

Дятел

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Демид Дубов

18+

Демид Дубов Дятел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70130599

SelfPub; 2023

Аннотация

1988 год. Пережившие ядерную войну люди сталкиваются с неизвестными и пугающими событиями в новом преобразившемся в худшую сторону мире. Старое мировоззрение уже не справляется с объяснением причин и последствий, а вот старые привычки расцветают новыми красками. В мире, где царит неизведанное и опасное, где счетчик Гейгера визжит от радиации, место человечности и организованности занимает животное начало. Но есть и те, кто сопротивляются этому... Рассказ «Дятел» является одним из главных произведений в грядущей антологии «Агония, 88», и описывает последние дни бункера «Килло-11», подвергшегося нападению не только извне, но и изнутри.

Демид Дубов

Дятел

7 ноября, 1988 год.

Восточное побережье США.

Бункер «Кило-11».

Зона высочайшей радиоактивности.

Координаты неизвестны.

Огромный пластиковый ящик проглотил помятую банкноту. И внутри мгновенно началось бурление. Послышался металлический треск, и, как будто бы между делом, коробка выдала в окошечко пластиковый стаканчик. Спустя несколько секунд безудержного дребезжания железных кишок, автомат выдал тугую бурую струю, чуть не сбив тару с креплений.

Джейк смотрел на все это с невероятным отвращением. Его отец после войны стал мелким держателем чайных плантаций на юге страны и всегда твердил ему, что каждый грамм выпитого кофе уменьшает семейный бюджет дважды. В этом была логика, конечно, как без нее, но еще в этом был повод сформировать подобное отношение к этому напитку. Джейк Хорнет был из того немногочисленного порядка людей, которые могут обедать хоть в загаженном сортире, но абсолютно не терпят запаха свежесваренного кофе около своего но-

са. И во время всей этой процессии, которая в его мозгах превращалась в неимоверно отвратительный акт механической дефекации пестрого от рекламы и цен робота, он держал мину такого отвращения, что было и не описать. Скрестив руки на груди, он отвернулся. Хотел придавить выползшего из-под автомата таракана, но одумался и поставил ногу рядом с ним. Насекомое, на мгновение остановившись и поняв, что от смерти его отделял лишь сантиметр, быстро уползло обратно под автомат.

– Ты ведь должна была поддержать меня, я ничего не путаю?

– Ни в коем случае. Не путаешь. – пластиковый стаканчик, налитый до краев, достала аккуратная и невероятно красивая женская рука. – Ничего-то ты мой дорогой, Джейкоб Хорнет, не путаешь.

– Но ты только что заказала себе кофе, Сэм?

– Глупый вопрос. Разве ты не видишь? – с едкой ухмылкой, она отпила немного бурой вонючей жижи.

Вероятно, только из-за Сэм Хорнет терпел это пищевое насилие сейчас, находясь на одном квадратном метре с кофейным аппаратом. Министерство Обороны в свои бункера закупало их вагонами, ведь армейцы любили кофе. И Джейк надеялся найти себе компанию, бойкотировавшую всю эту традиционную трапезу из кофе и «волшебного ничего» именно в ней – в Саманте Крюгер, стоявшей рядом... и предательски пившей кофе. Она была для него единствен-

ным и самым хорошим другом здесь, а потому он ее постоянно прощал. Прощал и то, что такая красота, как у нее, не досталась ему, а медленно, сперва неохотно, а затем явно раскусив почву под собой, пошла по не самым бедным рукам бункера. Однако, глупо было бы считать ее выгодное распутство простым подарком мещанам из нижних отсеков – нет, она была не такой. В первую очередь, внушал себе Джейкоб, чтобы хотя бы как-то сгладить тоску по ней, ее невероятные ягодицы, ее аккуратная талия, которую не могла спрятать даже мешковатая рубашка, ее хорошенькая и упругая грудь, втиснутая в явно маленький по размеру черный лифчик, и ее бесконечно хитрое острое лицо, со слегка вздернутым носиком и глубоким умным взглядом, были нужны ей для того, чтобы банально держаться здесь на плаву. После войны, после взрывов и ядерной бомбежки, мало какой мозг устоит от того, чтобы не посчитать, что государства и закона больше нет. Мало какой индивидуум в этом бункере станет считаться со мнением другого индивидуума, как раньше. А потому Сэм заручалась поддержкой среднего звена, и никогда не ложилась под большое начальство, чтобы не стать их ручной сучкой, залезающей под стол по первому же зову. Шлюха, но шлюха с моральными принципами.

– Кофе, мой дорогой Джей, это единственное, что мне осталось попробовать, чтобы полностью разочароваться в энергии собственного организма. Эти месяцы подземной жизни абсолютно убили во мне всякую инициативность, так

что...

– Звучит, как отчаяние. – усмехнулся он, со слегка злобной улыбкой. – Прежде, я не слышал от тебя такого.

– Будем честны, ты почти не слушал меня прежде. – осторожно коснувшись его подбородка, она подняла тот вверх. – Как и сейчас. Мои глаза выше. – улыбнулась ему так, что Хорнет мгновенно растаял и хотел сползти по ее теплым и длинными пальчикам как растаявшее мороженое. – Вероятно, наступает тот период, когда стресс первых недель улетучивается, и организм плавно привыкает к мысли, что этот чертов бункер станет нашей же могилой. Увы и ах, стоит снова перестраиваться, да? Эти чертовы коммунисты сбили нам все наши планы, так что теперь придется выдумывать их заново.

– Коммунистов? – не понял Джейк.

– Да, и коммунистов тоже. – Сэм опустила руку, снова хлебнув кофе. – В конце концов, должен же мистер Гримсон бороться с кем-то. Если он не будет с кем-то бороться, то мигом лишится своего поста, своего коньяка и своих секретарш. Его поднимут сперва на смех, а затем на вилы, если у него не будет нового врага. Даю тебе слово, он найдет чем нам всем здесь заниматься. Но все это будет настолько томительно, что вскоре приравняется к смерти. Мы здесь как индейка в фольге. Постепенно коптимся, а в конце, так ничего и не добившись, умрем от загрязненной системы очистки воздуха, от проникающей радиации и от отсутствия еды.

Так что, милый мой Джейкоб, запасайся заранее. – оттянув пальчик, добавила: – Я знаю, где можно достать припасов.

– У тебя закончилось белье? – снова уставившись ей на грудь, спросил Хорнет.

– С чего ты взял? – мгновенно насторожилась она, опустив голову. – Сильно видно?

– А сама-то ты как думаешь? – ответил он ей ловкой ухмылкой. – Ты ведь все-таки физик, образование имеешь. И не можешь сообразить, что черное просвечивает под белым?

– Понадеялась, что рубашка скроет. – опечаленно выдохнув, она выкинула стаканчик в урну. – Ко мне сегодня... – глянула на золоченые часики на запястье. – Должен прийти мистер Кроули. Решила, что не успею переодеться, потому вот так.

– Кроули, это...

– Начальник продовольственного склада на территории военных. – скороговоркой ответила Саманта. – Это уровень... Семь, насколько помню. Или шестой. Что-то он говорил, я все прослушала. Он готов поделиться армейскими запасами. Я могу и за тебя постараться!

Она настолько громко усмехнулась, что Джейк, испытав какое-то странное чувство стыда за нее, огляделся по сторонам. Но коридор пустовал. Время было позднее и по еще сохранившемуся пока распорядку, была ночь. Те, кто не нес дежурство около еще исправных приборов, спали или занимались чем-то в своих квартирах на четвертом уровне. Осталь-

ные – были по своим местам и выходили в коридор либо чтобы покурить, либо, чтобы выпить этого пресловутого кофе. А стыд Джейк ощутил лишь потому, что, как сам себе твердил, ее образ абсолютно не сочетался с ее манерой себя вести. Для Хорнета она была тем, кого он обязательно вспоминает перед тем, как уснуть. ореол ее почти непогрешимой идеальности и чистоты вогнался ему в подкорку. Он каждый раз представлял, как запускает руку ей в волосы, ощущая их мягкость и шелковистость, и каждый раз понимал, что за него, наверное, в тот же самый момент времени, кто-то их наматывал на кулак.

– И чем армейцы лучше меня? – обиженно спросил он, все же подняв глаза.

– Хм. – задумалась Сэм. – А здесь вероятно все просто, Джеки. В этом плане все лучше тебя.

– Вот, вообще здорово...

– Нет, ты не понял. Не обижайся. Я тебя бесконечно люблю, но ты ведь мой друг. И мой главный друг. Я ведь их не люблю, я их использую. А секс – это самый доступный способ манипуляции, особенно в таких условиях, как наши. Ты ведь не хочешь, чтобы я использовала к тебе те же самые приемы, которые использую для тех, кого использую... Вот-ведь, трижды повторилась, черт возьми... – собирая слова, она выдохнула и поглядела на собственные туфли. – Скажи мне, тебе было бы обидно, если бы встал в этот ряд мужчин, м? Я очень не хочу тебя терять, правда. Ты единственный

здесь, кому я могу довериться практически полностью, и мне было бы больно, если бы вдруг мы стали... В общем, если бы по итогу не сошлись характерами и были бы вынуждены забыть о существовании друг друга. И при том! Мы бы постоянно виделись, что еще больнее. Мы ведь с тобой работаем практически вместе. Да, ты работаешь на внутренней связи, да, я работаю на радары, но мы ведь почти одна контора!

Она вдруг всхлипнула, и замолчала. Нашупала под рубашкой косточку чашки, и оттянула ее от себя с таким выражением лица, что еще немного, и казалось, она воскликнет, что он ей осточертел до дьявола. Но нет, лишь поправила, ожидаемо выбрав сытость от армейских припасов и нескудный вечер в компании этого... этого кепочника-солдафона. В глубине души Хорнет понимал, что она не сама стала такой, на это ее двинуло окружение. И он помнил, как она сопротивлялась всему этому течению, как последней из высших женщин бункера спустилась до уровня ночной прислуги. Прошло всего ничего, не было даже полугода, но бункер уже сходил с ума, уже умирал. И без всяких придуманных коммунистов Гримсона...

– Я знаю, Джейк. – глубоко вдохнула она, взяв его за плечо. – Ты думаешь, что я шлюха. И тебе обидно, что с тобой не спит даже такая. Но поверь, от этого всем нам лучше... Не нужно тебе такой жизни.

– А какая жизнь теперь нужна? – грустно усмехнулся Хорнет. – Все вокруг стремительно чернеет.

– Значит, оставайся светлым пятном во всем этом. – мелко кивнув, она сблизилась и осторожно поцеловала его в щечку. Сказать, что Джейк в этот момент хотел наплевать на все принципы и просто сорвать с нее рубашку, а затем лифчик – не сказать ничего. – Ты молодчина, Джеки.

Развернувшись, она зацокала каблучками, удаляясь вглубь коридора. Хоть она и упомянула, что даже по работе они были близки, все же ее кабинет находился на более высоком ярусе, чем у Хорнета. И видеть, как она, вот такая-вот, возносится по лестнице вверх, отбивая ритм каблучками и вероятно уже считая секунды, чтобы не пропустить встречу с очередным поставщиком полезного, было тяжелее всего. Джейк обильно плюнул под ножки кофейного автомата и побрел в другую сторону. Его ждал одинокий вечер с воображением.

Однако, до своей постели он так и не добрел. Только он провернул ключ в замке парадной двери, как его окликнул один из его сотрудников. Молоденький мальчик, выглядевший так, словно только закончил среднюю школу, подбежал к нему и с отдышкой произнес:

– Сэр, вам надо взглянуть на это...

Через десять минут Джейк стоял перед кучей аппаратуры, в окружении целого ряда однотипных столов с различными консолями и экранами. На каждом из них он пытался зрительно поймать какие-то аномалии. Во всем этом оборудовании он разбирался лучше других, но пока еще не пони-

мал, зачем подчиненный его позвал. А тот встал посреди еще троих молодых парней, одетых в белые халаты с бейджами, и сделал выражение такое, будто бы сейчас сходит по большому и прямо в штаны.

– Что? – не выдержал Джейк, вопросительно помотав головой.

– Сэр, мы поймали... Поймали странный сигнал. – произнес другой сотрудник, заикаясь и запинаясь, время от времени виновато уводя глаза. – Мы бы не позвали вас... Если бы...

– Если бы не было необходимости. – слово взял чернокожий, что стоял с краю. – Сигнал приходит на наши устройства, но не фиксируется ничем, кроме звукозаписи. Посмотрите.

Он положил на стол перед Хорнетом портативный проигрыватель. Такой, какой обычно вешают на кожаном ремне, а затем надевают наушники и отправляются на пробежку по набережной где-нибудь в Майами. Внутрь уже была вставлена кассета, подписанная простой звездочкой, и Джейк подметил, что кассету эту он раньше не видел. У него была прекрасная память. Да и к тому же, маркерные чернила выглядели слишком свежими. Недоверительно окинув взглядом своих сотрудников, у одного из которых предательски заурчал живот, надел на голову наушники и нажал на плей.

В мозгах застрекотало. Мгновенный и страшный звук, который не обрывается и не заканчивается никогда. Четкий

однотипный пунктир, который как ускоренные часты отсчитывает какие-то только ему известные временные интервалы. Не моргая, Джейк вслушивался в этот сигнал, и понял, что он ему знаком, но вот только он не знал откуда. И это было еще страшнее. Создавалось ощущение, что это тиканье, это долбление прямо в мозг он слышал только в кошмарах, там, где языки огня постоянно пожирают что-то, где есть крики, шум и невероятный человеческий гвалт, предвещающий только погибель. Хорнет назвал бы это отзвуками ада, если бы не знал, как звучат атомные взрывы... И он неровно сглотнул, снял наушники. Но этот пунктир, колкий и четкий, словно и не хотел покидать его голову. Закончился на долю секунды позже, чем щелкнула кассета.

– Что это такое? – спросил он, еще раз сглотнув и собрав мысли. – Диапазон частот?

– Неизвестно, сэр.

– Как это может быть неизвестно?! – резко сорвался Хорнет, но выставил руки вперед, понимая, что делает ошибку. Сбавил голос. – Что показывает осциллограф? Что показывают другие датчики? Как звук может быть пойман только на звуковую дорожку?

– Мы не знаем, сэр.

– Вы хотите сказать, что получаете свой паек за просто так? Звук – это так же волна, это колебания, как они могут быть ничем не зафиксированы?

– Посмотрите на это, мистер Хорнет. – негр переключил

одну из крутилок на аппаратном столе, и из динамиков под фальшь-потолком понесся все тот же дьявольский пунктирный звук.

Джейк обернулся вокруг себя и обомлел, раскрыв рот. Ни один из осциллографов даже не дрогнул. Звук словно и не существовал, не был сейчас в динамиках и не звучал в ушах. Все приборы, вся высокоточная микроэлектроника, способная улавливать даже малейшие атмосферные колебания, молчала. Показывала полный эфирный штиль. Колонки продолжали выть, и не выдержав, Хорнет сам выключил частоту.

– К...как это возможно? – спросил он сам себя. – Полонка?

– Приглашали техников, сэр. Все, как один говорят, что аппаратура исправна. Вот эфир нашего собственного передатчика. – негр снова переключил волну и на этот раз звук был более знакомым, а все шкалы весело плясали в такт. – Мы не знаем, что это такое.

– Это могут быть русские? – обернулся на него Хорнет. – Это могут быть Иваны?

– Маловероятно, сэр. – усмехнулся один из сотрудников. – Если Иван придумал звук без частоты, я лучше сразу им сдамся, чем продолжу его слушать. У нас была теория, что это может звучать создаваемая радиацией неизвестная ультрадлинноволновая частота, которая не может быть зафиксирована нашей аппаратурой. По нам ведь били кобальтовы-

ми бомбами, сэр.

– Тогда приборы показывали бы максимум. – мотнул головой тот.

– Поэтому это и осталось т... теорией.

– Я заберу эту кассету. – Джейк мгновенно сгреб со стола приемник вместе с наушниками и запихал его себе в карман. – Есть что-то еще, помимо этой жути?

– Да, сэр. – чернокожий неуверенно кивнул, шумно выдохнув. – Мы потеряли связь с «Кило-31» и «Кило-22». Первый пропал бесследно, второй успел отправить короткий сигнал о помощи, который затем оборвался. Мы пытались найти частоту, на которой мог бы быть запасной сигнал бедствия, но нашли только это.

Кивком головы, он указал на плеер в кармане Джейка. И тот снова испугался, но не подал вида. Только предательски холодная капля пота скатилась по его горлу, обласкав шатнувшийся по вертикали кадык. В голове мгновенно забурлили мысли, и от бывшей усталости не осталось и следа. Нужно было решать эту головоломку. В секторе «К» они остались одни. «Кило-11» был последним бункером, который во всей этой дьявольской чехарде еще умудрялся выживать и бороться за себя. Вокруг него, как по указке, исчезли сразу шесть похожих военных бункеров, и нужно было что-то предпринять. Хорнет отдавал себе отчет, что все было не просто так. И что следующий удар придется в их бетонную крышу. Только вот чей это будет удар он абсолютно не пред-

ставлял. И боялся того, что в резко изменившемся и умирающем мире знания физики из прошлого его больше не спасут. Это было похоже на кошмар, и самое пугающее в нем – что Джейк Хорнет точно не спал...

Он влетел в приемную Гилберта Гримсона, начальника бункера и боевого полковника, через несколько минут, пробежав на одном дыхании с пяток лестничных пролетов. Лифт не работал уже давно и Джейк страшно запыхался. Утирая пот со лба, он закрыл за собой дверь, и глянул на опешившую секретаршу, которая до этого пыталась накрасить свои губы невероятно красной шлющечьей помадкой.

– Мне нужен Гримсон. – хрипя, выдал он, дернув на себя хозяйскую дверь.

– Мистер Хорнет, вам туда нельзя! – попыталась остановить его та, но было поздно.

Без стука отворив дверь, Джейк опешил вновь и даже на секунду забыл о том, что он вообще-то невероятно устал, запыхался и хотел спать. Пузатый, но на удивление не слишком-то толстый конечностями Гилберт Гримсон сидел в своем кресле, крутил в руках толстую кубинскую сигару. А рядом с ним, одна в наклонку с задранной юбкой, а другая в полный рост, пытались танцевать отвратительной пошлости танцы его грудастые секретарши, которых он не без геморроя в своей заднице высидел по приемным одной крупной шишки в военном ведомстве. И явно поняв, что его застукали с поличным, этот краснорожий пузан мгновенно рявкнул

что-то непроизносимое и подавился. Девушки остановились и виновато начали застегивать пуговички и одергивать юбки.

– Мистер Гримсон...

– Хорнет! – крикнул наконец полковник, прокашлявшись. – Дрянной техасский выродок! Твой идиот-папаша не учил тебя, что в двери можно стучаться?! Какого сраного черта ты, мерзкий слизень, делаешь здесь в такую ночь? Иди в задницу отсюда, ублюдок!

– Мистер Гримсон, дело не знает отлагательства. – Джейк попытался ответить ему спокойно.

И это вдруг сработало. В этом развратном полковнике снова проснулась армейская душа. Он жестом двух пальцев приказал девушкам покинуть свои покои. С разочарованной миной поглядел на сигару в руках и сунул ее в зубы, подкурив. Девушек он провожал со взглядом высшей степени тоски. Джейк подошел и положил проигрыватель на вытянутый стол, но, поняв, что пузан не дотянется, пододвинул плеер поближе.

– Сэр, мое ведомство поймало странный сигнал. – сходу начал он, дождавшись, пока Гримсон наденет наушники. – Мы с сотрудниками не понимаем, откуда он взялся. У него нет частоты, наша аппаратура молчит, а звук есть! Это пугающе.

– Пугает здесь только ваша рубашка, Джейк. Возьмешь в хозотделе бензин, спички и сожжешь ее.

– Сэр, это очень серьезно. – помотал головой тот. – Мы

потеряли контакт с еще двумя, последними на этот раз, бункерами в секторе «Кило». Больше никого не осталось, только мы.

– Это звучит так, как будто вертолет летит. – двумя пальцами, с зажатой меж ними сигарой, полковник показал на играющий плеер. – Чего здесь страшного? Ты производишь панику, Хорнет.

– Нет, сэр. Неужели вы не понимаете? Мы остались одни. Одни из девяти бункеров! Чего мы еще ждем здесь? Что скоро и наш маячок оборвется?

– Это и нужно врагу! – ударил по столу Гримсон. – Это и нужно этим чертовым русским! Чтобы их коммунизм победил, и чтобы мы здесь паниковали как барные бляди! Отставить панику, Хорнет! Мы ждем эвакуации.

– Сэр! Да очнитесь вы! Этот сигнал... Это ведь не просто так. Это все не просто так. Да вы посмотрите вокруг! Бункер голодает, эвакуация должна была быть месяц назад, а ее все еще нет. Нас никто уже не вытащит, и наши запасы скоро закончатся. Солдаты уже дерутся за провиант, пока вы здесь курите свои сигары! Сэр, нас ждет смерть, как остальные «Кило», если мы немедленно не выберемся отсюда. Чего мы ждем? – плескал руками Джейк. – Белый Дом не отвечает две недели, Лэнгли – три. Бункер в Андах так и вообще не вышел с нами на связь. Больше некому нас эвакуировать, мы под руинами! Подумайте о людях, сэр.

– Я буду сидеть в этих руинах до приказа их покинуть! –

полковник сорвал с головы наушники, поднявшись, и оперевшись кулаками о стол. – До приказа, понятно тебе, выродок?! И я умру с честью в этой духоте и в этом голоде, потому что буду знать, что и русские так же корчатся от голода и духоты,дохнут от радиации в своем поганом московском метро! Мы остановили их, мы им ответили, и мы должны иметь стальное терпение, не известное коммунистам, чтобы выдержать все, что на нас свалится, ясно?! А ты – ты грязный паникер, Хорнет. Ты простая жижа из презерватива, если не способен держать себя в руках и ноешь как баба из-за какой-то трещотки в эфире! Убирайся отсюда, членосос!

– Сэр!

– Убирайся, я сказал!!! – заорал на него Гримсон. – И забудь путь в этот кабинет, ты понял?! Ты отстранен от работы! И все твои черномазые уроды – тоже.

– Вы не имеете право меня отстранять. – сжав зубы, проговорил тот. – Я поставлен на свой пост приказом Министерства Обороны, а не вашим.

– Если сигнала Белого Дома нет, если молчит Пентагон и Лэнгли, значит этот бункер теперь мой...

В налитых кровью глазах и в абсолютно безумном, почти пенном оскале, Джейк увидел угрозу более реальную и устрашающую, нежели звук без частоты. И теперь, как никогда, ощутил, что полковник был прав. Этот самодур теперь правитель, хозяин всех их душ, и грубить ему было равносильно смерти. Хорнет заметил, как полковник расстегивает

кобуру на приспущенных штанах и медленно гладит рукоятку своего Кольта. Рисковать Джейк не стал.

– Да, сэр. – тяжело выдохнув, он опустил взгляд.

– Вот и славно, Хорнет. – через зубы произнес тот. – Убий-райся. И лучше застрелись. Этот бункер теперь мой. И вы все – мои. Запомни это! И расскажи всем, кто еще в этом сомневается. Мы победили коммунистов, и теперь я буду побеждать паникеров и трусов!

– Да, сэр. – согласился мужчина.

– Благослови нашего Бога, что я не отправил тебя наружу. Там бы ты поджарился, и приполз ко мне на коленях. И все, что я бы тогда сделал – так это пустил пулю тебе в башку. Вон!

Сказать, что этим своим неуместным походом к полковнику Гримсону, Джейк был разочарован, как не сказать об этом ничего. Его состояние было хуже подавленного пюре, поскольку, как он сам себе твердил, пюре хотя бы частично полезно, и никто не пытается на него наорать просто за то, что он делает свою работу и радеет за все многолюдное предприятие. И Хорнет очень не хотел сравнивать, но решил для себя, что сравнение с пюре является менее правдивым, чем сравнение с использованным контрацептивом... Да, самомнение у него упало, и упало критически. Его использовали все время по строгому назначению, но, когда назначение ушло, когда большой толстопузый хозяин решил, что его основная работа закончена, он просто отстранил свой главный

агрегат и продолжил жить своей обыденной жизнью, даже этого не заметив. Джейк брел с опущенными руками, собирая каждую неровность в стыках напольной плитки. И даже наплевать было на неизвестную угрозу. Куда-там! Какой-то злокачественный звук, непонятно даже чем производимый, теперь пугал его намного меньше, чем жратва отстраненного, которая заключалась в паре синтетических рейгановских кексов и воде. Обычный человек, коим он теперь стал, выбрал бы смерть от неизвестности и неожиданности, чем от простого голода и изнеможения, духоты и жары, бункерного безумия и страшнейшей мигрени, которая начала мучать кофеиновых солдатиков с нижних ярусов.

Хорнет шел, казалось, совершенно не обращая внимания на часы и свой маршрут. В голове вертелось только то, как он даже, не подписав никакой бумаги, будет собирать немногочисленные манатки в своем кабинете радиорубки и покинет ее навсегда. Один разговор, и всего один этот чертов звук, дернувший его на этот разговор, загубили всю карьеру, лишили еды и остатков мыслей по поводу их общего будущего. Толстопуз Гримсон превратит их бункер в тоталитарный ад. Еще немного, твердил себе Джейк, и он переплюнет коммунистов. Построит всех по струнке, наденет на голову свою фуражку и вместо привычного салюта к козырьку исполнит римский. И только визуализация этого спасла настроение Хорнета. Он грустно усмехнулся, поднял глаза от пола. И понял, что стоял прямо перед дверью кабинета-квар-

тиры Крюгер.

– ... Я же шел в другую сторону. – смутился он, проговорив вслух. – И не поднимался вроде бы... Соберись, Джей...

Потерев глаза, он отвернулся от двери и уже намеревался сделать шаг, как вдруг его посетила интересная мысль. Хорнет ведь мог, воспользовавшись ее положением и неприкасаемостью от полковника – а тот Саманту очень не любил, но не откладывал в долгий ящик желания просто поиметь ее в буквальном смысле – остаться при деле, и еще немного посмотреть за этим звуком, понаблюдать за положением вещей с ранга несколько высшего, чем был у него сейчас. И, недолго думая, он раскрыл двери.

– Да что б тебя! Стучаться только меня что ли учили?!

Джейк моментально обомлел, но сообразил сразу же захлопнуть за собой дверь. Лицо Сэм было перевернуто. Ее голова, стремясь волосами коснуться пола, свешивалась со стола, на которой ее, абсолютно голую, держал за раздвинутые ноги один из крепких солдатских командиров в кепке с прямым как сам горизонт куполом. Это и был тот самый мистер Кроули, которой должен был навестить Сэм, и который, очевидно, успел только войти, а вот выходить желания не имел. Солдафон поднял ошарашенные глаза на сжавшегося Джейка, но от немилости его спасла Крюгер. Руками закрыв свою умопомрачительную грудь и шумно выдохнув, сказала:

– Зайди в мою спальню, Джейк. Мы сейчас уже закончим.

Сглотнув очень неприятный ком в горле, и переборов за-
нывшее от этой картины сердце, он опустил взгляд. Спиной
ощущая стену и вжимаясь в нее, словно просторный и гро-
мадный кабинет с кучей столов и стульев вдруг стал в пять-
десят раз меньше, прошмыгнул к железной бункерной две-
ри, которая отгораживала рабочее помещение от жилого. За-
крыв за собой тяжеленую створку, которую для Сэм специ-
ально выварили откуда-то из армейского хранилища боепри-
пасов, разворованных еще на этапе строительства бункера,
Джейк сел на ее кровать. Настолько цивилизно, на сколько
только мог. Коленки вместе, ручки на коленки, а взгляд пря-
мой и уставлен точно на бронированную дверь.

И Хорнет очень не хотел замечать то время, за которое
эта парочка должна была бы уже закончить. Но у него никак
не получалось. Наглые секунды лезли в его сознание вместе
с невероятно будоражащими воображение женскими всхли-
пами и вздохами. А в перерывах между ними были звонкие
шлепки, и довольные, и от того необычайно мерзкие поды-
важня Кроули. Этот вояка, как думал Хорнет, вероятно ско-
пил достаточно энергии для одной лишь Сэм. Эта фуражеч-
ная скотина сейчас там резвится с ней как в последний раз,
а Хорнет – человек, как сам считал, достойный доверия –
сидит в спальне сложив ручки и все это слышит. Что могло
быть еще хуже для него? Для человека безответно влюблен-
ного в самую красивую девушку всего «Кило-11»? И краси-
вую не по форме даже, не по размерам ягодиц или груди,

не по лицу! Более смазливые и распутные мордашки, с которыми только и делать, что развлекаться, были прибраны при Гримсоне и его заместителях. Сэм была красива, потому что за всем этим, за тем, чем занималась в свободное от работы время, был какой-то фантомный статус. Крюгер, как ни крути, умела себя держать и не расплываться в простую похоть, относилась к этому философски и этим еще сильнее застревала в сердце Хорнета. И разбивала.

Джейк услышал натужный стон, вместе с диким воем от армейца. И опустил голову в руки. Ну, вот и все, он дождался того момента. Перетерпел и проглотил все внутренние обиды, снова, в очередной раз задушив в себе клокочущее и едкое чувство уничтоженного самодостоинства. Он слышал, как они прощались, и как напоследок Кроули сочно шлепнул Сэм по голой заднице.

– Все будет, как обещал, малышка! – хвалился он. – Еще увидимся?

– Спроси попозже, красавчик, и узнаешь. – ответила она, игриво улыбаясь ему межкомнатных дверях.

Подмигнув ему, она закрыла створку и мгновенно поменялась в лице. Оно осунулось и словно постарело. Медленно заправив растрепанные волосы за ушко, девушка посмотрела на руку и немедленно обтерла ее об узкие черные кружевные трусы. Поправила на себе лифчик и накинула фиолетовый шелковый халат, который лежал на кровати рядом с Джейком. Даже не опоясывая его, плюхнулась в кресло око-

ло столика с зеркалом и достала из тайника в ящике красную записную книжку. Щелкнула ручкой и что-то начала набирать быстрой и кривой вязью, то и дело посматривая на свои руки.

– ...Как прошла встреча? – смятым голосом спросил Хорнет, часто и обильно сглатывая.

– Да он чертов гад. – словно между делом выпалила она. – Просто грязная свинья, вот и все! Как могла выпроваживала, а он все одно залез...

В маленьком зеркале Джейк заметил, как скривилось ее лицо. На нем смешалась злоба и отчаяние. И вдруг, в этом же зеркале он заметил смотрящий на него взгляд Сэм, и отвернулся. Крюгер шумно выдохнула, с хлопком закрыла блокнот и повернулась к нему.

– Джеки, мой дорогой. Ты сейчас сам испортил себе настроение. Ты зашел очень не вовремя.

– Я надеялся, что ты окажешься сильной, и сможешь выпроводить этого буйвола после первого раза. А ты с ним...

– Четыре. Четыре раза. – будто вообще без эмоций, как робот проговорила Саманта. – Я не буду просить у тебя прощения, я тебя предупреждала. В том, что ты увидел, виноват только ты.

– Да, я виноват. – кивнул он согласно. – И виноват только в том, что не могу...

– Джеки... – протянула Сэм, устало выдохнув.

– Что ты писала сейчас? – переменял тему он. – Я этот

блокнот впервые вижу.

– Я рассчитываю количество припасов, которые смогу получить. – пожалала плечами она, вставая. В этот момент Хорнет не смог удержаться и вгрызся взглядом в ее черное кружевное белье. Та заметила это, но не стала прикрываться. – И, если я смогу получить столько припасов, сколько мне наобещал этот кретин, я смогу поделить их на достаточные части среди всего своего отдела. Тут важно накопить столько припасов для раздачи, чтобы порции, полученные каждым, кому я хочу их давать, были одинаковыми, и никто не чувствовал себя обездоленным. Вот зачем мне дневник. Я веду в нем записи. Логично?

– Что? – Хорнет мгновенно оторвал взгляд от ее живота и поднял на лицо. – В смысле...

– А ты думал я одна собралась все это есть?! – звонко усмехнулась она, поставив руки в боки. – Милый мой, я не съем все это до того, как оно испортится!

– А в чем... В чем смысл?

– Ну, смысла здесь больше, чем во всех словах Гримсона вместе взятых. – отогнув указательный палец, она босиком зашагала по своей комнате. – Во-первых, я действительно все это не съем, а значит зря разводила колени перед всеми этими ослами. А во-вторых это ли не есть настоящее проявление хозяйственника, когда ты способен заботиться о своих людях, считая их равными себе, при том не жалея себя? Я ведь начальник, подо мной ходят сотрудники, и если сотру-

ники не будут видеть во мне угрозу, если они будут считать меня с ними одинаковой, то какова вероятность, что во время голодного бунта, который вот-вот случится, они поднимут меня на вилы? А Гримсона или Кроули, которые заграбастали себе десятки килограмм провианта? Вот и думай.

– Хочешь получить себе корону, когда начнется бойня?

– Я хочу не корону, Джеки. Я хочу прожить подольше. И прожить подольше у меня выйдет только в окружении тех, кто считает меня неприкасаемой, и кого я считаю достойными людьми. Здесь простая механика выживания, которая работала несколько тысяч лет, прежде, чем люди придумали рабство. И мы либо работаем сообща ради своего выживания, либо какие-то упыри забирают себе все, а обездоленные рабы возвращают себе это огнем и мечом. И оба этих пути ведут в одну и ту же точку. Только один прямо сейчас, а другой через кровь, пот, и боль. Логично?

– Логика в этом несомненно есть. – Хорнет согласился, прищурившись. – Отнять и поделить? Мыслишь стандартами врагов.

– Я мыслю логической цепочкой. – подняла брови она, разведя руки. – Жаль, что полковник не научился думать логически. Или хотя бы думать так, как думает его противник. Если бы мы знали, как думает противник, а противник знал бы, как думаем мы, мы бы не сидели здесь, а продолжали бы вечно держать руки над ядерными кнопками. Весь смысл в паритете. И если кто-то вдруг начинает считать, что паритета

нет, и по ту сторону океана сидят идиоты, мы оказываемся в «Кило-11». Как тебе, милый мой?

– Соглашусь.

– А зачем ты пришел? – вдруг смутилась она, вспомнив, что он вообще-то нагло прервал ее способ заработка. – Ты же застал меня врасплох не для моих умозаключений о прошлой политике, да? Выкладывай.

– Да, точно не для этого. – округлив глаза, он помял шею. – Мы поймали странный сигнал. И... у него нет волны. Вот, послушай.

Она внимательно, с умным видом и голым пузом, на несколько раз прослушала запись настолько стоически и спокойно, что Хорнет в момент подумал, что у нее прихватило сердце, и она умерла вот так, на ногах. Или оцепенела настолько, что ни один из ее глаз даже не моргнул. В конечном итоге он сам забрал у нее плеер, осторожно сняв с ее растрепанной головы наушники. Откинул все это подальше от себя на кровать, и снова сел. Немного помяв пальцы одной руки другой, Сэм заходила по комнате. Ее взгляд был уставлен в никуда, она решала сложнейшую задачку радиопизики.

– Как это возможно? – спросил ее Хорнет.

– Это невозможно. – ответила она. – И осциллограф молчит, хотя исправен?

– Да. – коротко ответил тот. – Все именно так. И это похоже на бред. Была вероятность, что это...

– Радиация, да-да, я тоже об этом подумала. – отмахну-

лась та, словно прочитав мысли Джейка, отчего тот малость удивился. – Это не может быть радиацией. Не может и точка. Мне кажется, Джей, это что-то не в нашем диапазоне частот. Мне тоже докладывали о странном звуке недавно, но я решила, что это неисправность аппаратуры или динамиков.

– А сейчас твой отдел что-то улавливает?

– Нет. – пожала плечами она. – Я не докладывала полковнику, но я отключила всю свою аппаратуру, потому что в этом больше нет смысла. Мы остались одни, ловить радарами больше нечего, а жрут они столько энергии, сколько не потребляет весь остальной комплекс вместе. А если русские и уцелели, они могут найти нас по этому самому радару, и ударить еще раз. В твоём случае что-то не то, что-то странное... Хм. – она остановилась, глянув на Хорнета снизу-вверх. – А это может... Черт, не может! Странно. Голова болит.

– Это могут быть русские?

– Не знаю, Джейк. – на руку выдавив таблетку от головы, она запила ее водой из низкого пузатого стакана для виски. – Чисто на вскидку, это вероятно что-то длинноволновое. Это просто на вскидку. Попробуй пошарить уловителями на полуметровой лямбде и более.

– Это, вроде бы, волна русских станций обнаружения. Зачем им их использовать после ядерной войны?

– Потому что и мы и они истратили не все ракеты, это же понятно. – закрыв глаза, она помяла свой лоб, разгоняя но-

ющую боль по черепу. – Это была только первая волна, и теперь, мой ты дорогой, каждый ждет вторую. Возможно, какая-то из станций в горах Алтая, Урала, Тянь-Шаня, Карпат или Кавказа смогла уцелеть.

– В... где? – смутился он. – Горах Алтая? Где это?

– Узнаешь в топографическом отделе. – обернулась Сэм. – Ищи информацию по русским станциям... Они обычно находились рядом с их закрытыми городами. Ищи те, что около гор.

– Откуда ты все это знаешь?

– Опыт, Джеки. – улыбнулась она ему. – Только опыт, мой дорогой.

Хорнет прежде и не догадывался о том, что его знакомая настолько хорошо владеет географией русских, но убедил себя в том, что это именно он ни черта не знает, а стоило бы. Если ты осведомлен обо всем, что может помочь противнику, в том числе о его горных системах, половина победы уже в твоём кармане. Но больше Джейк поражался тому, насколько уверенно Сэм лягнула про длину волны, не зная фактически никаких ее параметров. Ей был доступен лишь звук для прослушивания, и тут – бах – появилась целая теория, подпитанная, по большей части, одним лишь воздухом. Однако, он не стал сопротивляться и решил проверить насколько ее догадка будет верной и отправился в архив, который располагался на одном из нижних этажей. Хорнет пошел пешком, по крутой каменной лестнице, на которой смерде-

ло, как на бруклинской помойке.

Но, спускаться – это не подниматься, логично, и архивариус встретил Джейка еще в его полной кондиции. Только лицо было слегка красным, и путались слова на губах.

– П... привет, Гарри. – Хорнет вяло мотнул рукой, показав свой, еще не отобранный, бейджик. – Как твои дела?

– Ничего путного, Джей. – басовито ответил тот, поправив большие очки на переносице.

Он быстро схватил какую-то таблетку и помял виски. Взгляд у него был каким-то зловеще красным от вздувшихся капилляров, но при том уставшим и окантованным черными кругами давно не знавшей отдыха кожи. Сипло дыша ртом, он смотрел на Джейка. Тот на мгновение забыл, о чем хотел сказать. В голове начало крутиться то, что все вдруг стали жаловаться на голову. Хотя, в этом не было ничего удивительного. Дерьмовая жрачка, забитая вентиляция, постоянная жара и давление со стороны начальства вгонят в могилу быстрее выпущенной пули. Джейк внимательно оглядел библиотеку с жесткими дисками и кассетами за спиной архивариуса. Тихо сказал:

– Мне нужны данные о русских станциях дальней радиолокации.

– Прости, дружище, я не могу тебе ничего... – прикрыв глаза от ноющей боли в голове, произнес тот. – Не могу тебе ничего дать. Мне полковник...

– Гарри, Гарри! – наклонился к нему Хорнет. – Мне нужно

одним глазком, и все. Что ты хочешь взамен?

– Чистого воздуха. – отмахнулся архивариус. – Но ты мне его нынче не разобудешь.

– Я по дружбе прошу.

– А я по дружбе откажу. Не лезь в это дело, Джей. Тебя отстранили, а я могу попасть в немилость, если узнают, что я вообще с тобой разговаривал. Ты понимаешь, что будет, когда они узнают? Меня лишат пайка. А как можно лишиться того, чего итак нет?!

– Гарри, это срочно. У нас тут загадка. – сощурился Джейк. – У нас есть звук, но нет ничего, что может быть связано с ним. Мне нужна информация о том, что может его испускать. Мы думаем, что русские каким-то образом связаны с ним, и с уничтожением бункеров в секторе «Кило». Если я этого не разгадаю, нам всем грозит опасность!

– А если я тебя пропущу, опасность грозит мне. Чихать я хотел на всех остальных, Джей. И на полковника, чтоб он сдох, и на вояк, и на твой отдел, и на тебя, и на Крюгер, на всех вас, ты понял? Я не хочу проблем там, где правит анархия, ты это понимаешь?

– Я предлагаю тебе пять банок.

– Десять.

– Гарри, это грабеж. Шесть.

– Одиннадцать.

– Да ты издеваешься.

– Двенадцать.

– Хорошо, хорошо! – вытянул вперед руки Хорнет, оставив его. – Десять банок, я принесу потом.

– Джейк, двенадцать банок. – медленно кивнул тот с довольной миной. – Ты остановил меня на этом счете. Двенадцать банок в обмен на все, что я знаю по русским станциям дальней радиолокации.

– По рукам, черт возьми. – тяжело вздохнув, он протянул ему руку.

Не без видимого удовольствия, с миной начинающего и еще уверенного в себе монополиста-тушеночника, архивариус пожал ему руку, крепко сжал пальцы. Затем отошел к громадному стеллажу, начинающемуся прямо за железной полированной стойкой. Подставив лестницу, Гарри исчез из вида где-то под потолком. Вытянул оттуда три больших картонных коробки, покрытых пылью. Видимо, эти материалы давненько никто не смотрел. Чуть не навернувшись с приставной лестницы, архивариус поставил две из них прямо на пол, а одну сразу же на стойку, раскрыв.

Перед Джейком оказались десятки прошитых сверхсекретных папок с целой уймой разведанных о русских системах радиолокации. Здесь был настоящий клад для любого шпиона и диверсанта. Все, что можно было собрать, американцы собрали и рассортировали чуть ли не по месяцам. Листы, графики, чертежи и рисунки, таблицы и целые тома рукописных бумажек, на которых что-то высчитывалось, а затем зачеркивалось непросвечиваемым красным маркером. И

в груди всего этого находилась пара дискет. Достав одну из них, и вставив в разъем за стойкой, Гарри повернул к Джейку пузатый коробчатый монитор.

– Итак, у русских на вооружении имелись станции дальней радиолокации. – начал объяснять тот, показывая на монитор огрызком карандаша и перелистывая картинки со спутниковыми фотографиями. – Они представляли из себя что-то вроде громадной сетки, величиной с двадцатиэтажный дом, и площадью с пару футбольных полей. Работали на разных длинах волн, тебе какая нужна?

– От полуметра.

– Пол метра... – задумался архивариус, подперев подбородок кулаком. – Есть метровый диапазон. Таких станций у Ивана было четыре штуки. Они могли отслеживать старт наших баллистических ракет на самых ранних этапах, а потому подлежали уничтожению в первую очередь. – он повернулся к бумагам и пролистал какую-то папку. – В плане операции по отражению ядерной агрессии сказано, что все они должны быть уничтожены. И вероятно... так оно и вышло. Сразу после бомбардировки к нам на сервер пришли фотографии со спутников. Вот, посмотри-ка.

Гарри пару раз щелкнул мышкой, и по экрану начали пролистываться черно-белые мутные фотографии, на которых информации было меньше, чем на плевке около унитаза. Какие-то кляксы, каракули и старательно нанесенная размерная сетка, чтобы понимать масштаб разрушений на террито-

рии СССР. И, судя по всему, все эти станции стояли на равнинах, потому как ни одной горы на этих снимках Джейк не увидел.

– Комсомольск-на-Амуре. Это район Тихого океана. – Гарри показывал карандашом в черно-белую мешанину на экране. – Станция полностью уничтожена. Эта вот... В приморской части Туркменистана, район Каспийского моря. А вот эта последняя. Это Восточная Германия. Русские успели построить там малую станцию и пустили в ход буквально за две недели до начала войны.

– Подожди, подожди... – смутился Хорнет, пересчитывая на пальцах. – Ты сказал четыре. Вот эта первая, эта в Туркмении – вторая, и эта в Германии третья. Где четвертая?

– Какая четвертая? – посмотрел на него тот, снова массируя виски.

– Ты сказал было уничтожены четыре станции. – развел руками Джейк, распрямляясь. – А я насчитал три.

– Нет, я сказал, что по плану отражения агрессии они должны были быть уничтожены все. Я не сказал сколько их должно быть уничтожено.

– Но ты назвал цифру четыре.

– Да, я назвал. – выдохнул тот. – Но та не интересная.

– Где эта станция, Гарри? – снова наклонился к нему Хорнет, перейдя на шепот.

– В Украине.

Архивариус отпрянул от компьютера, бросив на него по-

следний, и какой-то жалостливый по своему настроению взгляд. Снова влез по локоть в бумаги в коробке. Затем понял, что в первой ничего нужного нет, поставил на стол вторую. И только в третьей он нашел то, что могло бы ему помочь отбиться от настырного Хорнета. Небольшая, формата обычной печатной книги, папочка под кожей с резинкой, на которой было написано: «Чернобыль».

– Что ты слышал о пожаре на русской атомной станции два года назад?

– Припоминаю такое. – ответил Джейк. – У них вроде бы было то же, как у нас на Три-Майл-Айленд. Я не силен в техногенных катастрофах.

– У них синим пламенем горела новенькая станция, которая была введена в эксплуатацию в середине семидесятых. – Гарри пролистывал машинописные листы прямо перед Хорнетом. – И вот, одна ошибка, и ее не стало. А весь интерес в том, что эта станция питала. Она питала станцию горизонтного обнаружения пусков ядерных ракет НАТО, и могла серьезно подпортить нам жизнь. Но после пожара на станции, объект в Чернобыле отключили и он перестал работать.

– Какая длинна волны?

– Метр.

– Это и есть четвертая станция? – Хорнет поднял одну бровь. – Не раб... – и тут он сообразил, застыв на месте как вкопанный. – Не работающая станция... Получается, наше правительство знало, что Чернобыль не работал на момент

войны и не стало тратить боеприпасы на ее уничтожение. – Джейк выхватил блокнот у Гарри и стал читать. – ... Вокруг нее была громадная зона отчуждения, а промышленные и жилые массивы далековато. В теории, она могла уцелеть?

– Я боюсь, что она и уцелела. Если нет данных о ее уничтожении, значит ее и не пытались уничтожить.

– Теоретически, русские ведь могли ее завести после катастрофы. И метровая волна способна добить до нас... Черт возьми! Но как же тогда осциллографы не видят ее? Нужно подумать. – задумчиво выдохнул Джейк. – Как ее название? Может Крюгер что-то знает о ней.

– Иваны звали ее «Дуга». Но интересно другое название. – Гарри хитро подмигнул, а потом скорчился от боли в висках. – Англичане прозвали ее «Русский Дятел», из-за характерного стука в радиоэфире.

– Из-за... Стука? Вот такого стука?

Джейк достал из кармана плеер со знакомой уже кассетой и протянул ее архивариусу. Тот, пододвинув к себе пластиковый стаканчик с бурым кофе, от которого Джейк чуть не выложил прямо на стол свой скупой и уже наверняка переваренный обед, перенял у него проигрыватель и надел на голову наушники. И красными не моргающими глазами уставился прямо на Хорнета, отчего тот отступил назад.

– Откуда это у тебя?!

– Это именно то, что не видят мои приборы. – ответил он, забирая кассету обратно.

– Я... я... – растеряно мямлил Гарри. – Этот звук... Откуда он?

– Я уже сказал. – Хорнет любознательно наклонил голову и посмотрел на лицо архивариуса, которое стало подобно фарфоровой маске. – Все хорошо, Гарри? Ты какой-то...

– Моя голова! – заныл он, хватаясь за виски. – Уходи, Джейк! Проваливай отсюда!

– Хорошо, хорошо. Я занесу консервы позже.

Гарри жадно допил свой кофе и бросил в Хорнета стаканчиком. Тот, опешив в очередной раз, развернулся и ушел за двери архива. И снова начал подниматься по лестнице наверх, снова к кабинету Крюгер. Но на этот раз осознанно, и зная, что не застанет ее за скаканием на очередном военном-кепочнике из складского отдела бритоголовых. Вероятно, Сэм еще была ничем не занята, ведь Джейк управился в архиве, даже быстрее, чем предполагал, и уже хотел поделиться радостью с подругой.

Однако, его начал настораживать один факт. Болящая голова. Да, все вокруг жаловались на болящую голову, и это, повторял в сотый раз Джейк, теперь обычное дело. Люди не были приспособлены к тому, во что сами себя загнали. Теперь потихоньку умирали от духоты и жары. Но, чтобы все разом? И настолько невыносимо? В этом было что-то не чисто, и Хорнет начал подозревать. Вероятно, вероломные русские действительно, решив не считаться с собственным поражением, завели старую нерабочую станцию и начали облу-

чать американцев. Поигрались с настройками или еще чего – Джейк точно не знал этого – и теперь обитатели бункера должны были пожинать труды выживших советских ученых, мучиться и сходить с ума от невыносимой мигрени. Однако, в пику своей новообретенной теории, Хорнет чувствовал себя достаточно здоровым, хотя малость пожухлым, и помятым из-за обычной усталости. И это было еще более странным. Что-то в этом круге теорий было не так, не хватало какого-то ключевого элемента, и Джейк это скорее чувствовал, чем знал. Где-то должна быть еще одна зацепка. В чем-то конкретном...

На стук в кабинет Сэм ответа не было. При том, дверь не была закрыта. Хорнет преспокойно попал в помещение, осторожно закрыв за собой проход. Света нет, но был какой-то отблеск на стене. Настолько тончайший, что иголка по сравнению с ним была бы как железнодорожный рельс. И только тщательно всмотревшись в тонюсенький след света на стене, Джейкоб понял, что он исходил из жилого помещения, обычно закрытого герметичной железной дверью. Но в этот раз она была приоткрыта – совсем не похоже на Саманту. Он, бывало, приходил к ней, когда она спала, и девушка запиралась на все замки. Не открывала, пока сама не захочет или не услышит стука. Странности продолжались, и Хорнет на мгновение, когда все же прикоснулся к приоткрытой двери, подумал, что сам уже понемногу сходит с ума. Это чехарда идиотии, и закрадывалось ощущение, что все эти бун-

керные ярусы ничто иное, как чуть-чуть модернизированные капиталистическим умом круги Данте. Да, Джейк думал, что уже умер и попал в ад. А как иначе могло быть с тем, кто косвенно был причастен к мировой катастрофе? Только ад.

Хорнет медленно расширил щель между железной створкой и косяком, как вдруг остановил руку и прислушался. Саманта точно была по ту сторону, он слышал ее голос. Только вот был всего один небольшой нюанс...

– Да... Я... Е-есть... Ф-ф-ф-ф-ф... Я «Круг».... Требую... М-ф-ф-ф-ф. Ах!

Она несла какую-то чушь по-русски.

Внутри у Джейкоба все упало. Ноги начали сдаваться под нагрузкой, затрусили колени. Все, что в нем было, перевернулось, а раскрытые глаза въедались в подсвеченную стенку. Он не мог поверить в то, что слышал, однако Сэм продолжала что-то тихо бубнить, то и дело прерываясь на шум ее постели. И сперва Джейк хотел думать, что это был немецкий, что ее фамилия не просто так взялась, и что в ее корнях были тевтоны. Но вот потом это обрело совсем другие краски. Ни с каким другим языком это было не спутать. Открыв железную дверь шире, пройдя внутрь и закрыв ее на засов, он оглядел кровать.

Саманта лежала на ней вся мокрая от пота. Бредила с закрытыми глазами. Это не было похоже на сон от слова совсем, она постоянно двигалась и не имела ни секунды покоя. Вся ее кровать, все белье было смято и скомкано, пальцы

вцепились в подушки и едва не рвали их. Она часто дышала и сглатывала, при том не открывая глаз.

– Я «Круг»... Требую... «Круг»... Задание... Люди!.. Где все люди...

– Сэм? – он осторожно позвал ее, все еще надеясь на то, что ему все это просто послышалось.

Девушка не отвечала. Только продолжала бубнить и сминая кровать. Джейк прошел до ее письменного столика и открыл ящик, в котором должна была лежать записная книжка. Пролистав ее, понял, что она действительно вела записи по учету полученных припасов и сумела накопить уже достаточно. Но его интерес привлек совсем другой предмет. В ее ящике лежал пистолет. Он ей точно был не положен. Взяв его, Хорнет почувствовал тяжесть металла. Вынул магазин и проверил наличие патронов. Набит под завязку. С этим инструментом можно было бы развязать новую междоусобную бункерную войну. И было непонятно, откуда она его взяла. Наверяд ли военные отпустили бы такую девятимиллиметровую швейную машинку за простой разовый секс...

Обхватив рукоять Кольта покрепче, Джейк направил его на Саманту.

– Сэм!!! – крикнул он.

Сглотнув, он понял, что его руки трясутся от страха. Его уже доконали все эти загадки. Хотелось просто бежать уже куда-нибудь. Но его гражданский долг заставлял узнать всю правду. И он собирался выполнить его. Несколько раз по-

моргал, чтобы уставшие глаза видели лучше, вдохнул и выдохнул, попытавшись успокоить нервы. Не помогло.

Крюгер резко раскрыла глаза. Вся мокрая от пота и практически голая, в одно движение села на кровати, покрутила головой по сторонам. А затем, поняв, что ей не показалось, будто ее позвали, поглядела на Джейка через прядь свисающих волос.

– Кто ты такая? – надувая щеки и злобно сжимая зубы спросил он.

– Ч-чего? – переспросила она, запнувшись. Попыталась встать.

– Сидеть! – мужчина тряхнул пистолетом. – Сидеть, твою мать!

– Джей, дорогой мой, ты чего? – Крюгер настороженно подняла руки. – Успокойся. Давай просто поговорим. Что случилось?

– Ты спала и...

– Я спала? – она огляделась по сторонам. – Я ведь... Я спала? Я точно помню, что я вела запись, а теперь вот ты передо мной. Что происходит? Джейк, откуда у тебя пистолет?

– Не придуривайся! – крикнул он. – Кто ты такая? Почему ты бубнишь по-русски? Отвечай твою мать, или я твоим же пистолетом тебе мозги вышибу!

– Подожди, подожди, успокойся. – Сэм потянула руки вперед, но как только Хорнет снова нервно тряхнул пистолетом, остановилась. – Тебе вероятно слышалось. Это, на-

верное, было просто...

– Ты думаешь, что я совсем идиот?!

– Нет, Джейк, я так не думаю. – помотала она головой, пристально смотря ему в глаза, а в душе надеясь, что он не передернул затворную раму. – Опустит пистолет, давай мы поговорим.

– Да черта с два! – мужчина резко дернул затвор пистолета, послав патрон из магазина в ствол. – Расскажи мне все и прямо сейчас! Ты работаешь на них? Ты работаешь на коммунистов? Какого черта здесь вообще происходит? Что ты знаешь о сигнале?! Говори, твою мать, что ты знаешь о «Дятле»?!

– Да о каком «Дятле», Джейк?!

– «Русский Дятел». Станция в Чернобыле! Это единственный радиолокатор русских, который мог уцелеть!

– ...«Дуга»... – одними губами прошептала она, задумавшись. – Я ничего не знаю о сигнале, и у меня уже голова болит.

– Да у всех тут уже голова болит! – махнул рукой тот. – Этот чертов сигнал действует и на людей в том числе. Иначе как объяснить резкую мигрень у всех, а? Это твоих рук дело?! Может ты здесь простая крыса, а?

– Джейк, послушай, я правда ничего не знаю.

– Врешь! Ты мне врешь, блять! Ты и меня используешь, да? Ты всех нас используешь!

– Да ты только послушай себя, кретин! – она прибавила в

голосе, резко поднимаясь с кровати. Мужчина опешил и не выстрелил. – Ты послушай, как ты звучишь! Ты готов пристрелить меня из-за пары слов, брошенных в бреду и ни разу не обратил внимание на то, что я делаю для всех, кто меня окружает! Чем ты лучше полковника, если ты в каждом ищешь обязательно врага? Какие тут к чертовой матери уже враги, Джейкоб? Да нам бы выжить, как биологическому виду...

– Назад... – сдавленным голосом приказал он ей, потрянув пистолетом.

Сэм глядела точно ему в глаза. И взглядом таким, какого раньше Джейк точно не видел. Всего одно мгновение, и ее рука лежала на затворной раме, заблокировав ее ход. Едва заметное движение, и Кольт оказался на полу. Теперь Хорнету нечем было защищаться. Но, на его удивление и неопишное счастье, Сэм даже не подумала воспользоваться пистолетом. Наоборот, пнула его подальше в угол. Вздохнув, прикусила губу и опустила лицо вниз.

– Я работаю в КГБ.

– К...

– Молчи, дурак! – оборвала она, рукой закрыв ему рот. – Дай расскажу. В семидесятом моя семья вместе со мной переехала из Западной Германии в США. Отец был полковником внешней разведки КГБ СССР, а мать – профессиональным переводчиком с испанского. Моим первым и единственным заданием стало успешное обучение в Гарвардском уни-

верситете и внедрение в ряды американских служб радиолокации на сверхсекретных правительственных объектах. Мое настоящее имя – Серафима Круглова, я майор Первого Главного Управления КГБ. Я передавала данные в Москву вплоть до начала войны, а после потеряла всякую связь с Центром. Теперь я пытаюсь выживать, и выживать как все, но не скатываться до уровня животного. Я стараюсь помогать остальным всем, чем могу, ты меня понимаешь?

– Шлюховатый бункерный Робин Гуд, твою мать! – Джейк сорвал ее руку со своих губ. – Да ты же мне враг! И всем ты здесь враг!

– Я тебе враг?.. – смутилась она, стыдливо отойдя назад. – Нам что делить-то, Джей...

– Да ты же меня использовала! – разгорячился он, заплескав руками. – Всех здесь использовала. И меня! Меня в первую очередь. Ты пользовалась моей дружбой, так? Ты знала всю систему моей связи, и это ты натравила русских на остальные «Кило». И этот гребанный звук! Сраный «Русский Дятел» – тоже твоих рук дело, наверняка. – мужчина дернулся вперед, пойдя на нее и совсем почувствовав то, что он взял верх над ней. – Ну, что ты молчишь?! Что ты молчишь, шлюха?!

И вдруг он увидел, что на ее глазах поблескивают слезы. И хоть он плохо разобрался во всех шпионских, да и вообще военных делах, он словно шестым чувством осознал, что это ее истинная, природная и живая эмоция, внезапно про-

клюнувшая под вечно надменной и уверенной в себе маской. В груди что-то переклинило, сердце дало сбой. И руки сами потянулись к ней, без контроля воспаленного и пытающегося переварить ситуацию мозга. Но, завидев это, девушка отошла еще назад, подняв сверкающие влагой глаза точно на него.

– ...я никогда тебя не использовала. – тихо сказала она, проглотив горькую обиду. – Да, всех, кроме тебя одного. Потому что ты другой. Потому что в тебе есть совесть, и ты похож на меня. Ты обездолен, и ты винтик в громадной разрушительной машине, который не потерял собственную совесть. Вот почему я тебя не использовала, и не хочу использовать. Потому что в тебе единственном я видела своего настоящего друга... Что нам с тобой делить, Джейк? Радиацию?

– Стараниями твоего начальства...

– И твоего тоже! – Сэм помотала головой, быстро смахнув с глаза слезу. – Какая разница, какой был флаг на ракете, когда ее боеголовка разрывается над городскими кварталами? С живыми людьми! Я потеряла все, что у меня было, кроме собственной совести и веры в то, что человечество сообща переживет и собственную смерть. Осталось ли что-то у тебя, Джейк? Я не знаю ничего про остальные бункеры. И про тот звук тоже.

– Сэм, я...

– Стреляй. – сказала она, разведя руки. – Стреляй в меня,

если хочешь. Если хочешь – трахай! Что ты хочешь от меня, Джейк? Я потеряла свою единственную поддержку в этом клубке из змей, мне больше нет смысла быть человеком.

– Что ты говоришь? – не понял Хорнет, сближаясь.

– И что же ты медлишь? – слегка оскалившись, ждала Сэм. – Я ведь враг. Враг, Джейк! Давай, делай то, что ты хочешь. Давай! Стреляй меня, или раздень, как последний извращенец. Давай, залей в меня все, что в тебе есть! Докажи, что ты настоящий американский мужик! Давай, твою мать! Если ты сам хоть на толику веришь в то, что сам говоришь – сделай!

– Сэм, я...

– Ну?!

В нем боролись две абсолютно противоположные стороны. Жуткий вбитый в голову патриотизм в купе с недостатком женского внимания твердили ему, что это лучший способ скомбинировать самые черные его желания, чтобы полностью насладиться тем, чем его наградила фортуна в этот час, чтобы как голодная до похоти свинья сорвать с нее одежду, на славу повеселиться до матерного сдавленного крика, а потом без зазрения совести пристрелить прямо на кровати. Пустить пулю в голову, и посмотреть, как «красные» мозги окажутся на американском постельном белье, и как голое и податливое тело замрет навсегда. Но другая сторона, та, которая еще двигала им во всем этом мракобесном зарытом под землю аду, говорила, что она была права. Со-

весть твердила, что русская шпионка с ее странными словами, которым вероятно не стоило бы верить, была действительно его единственным другом здесь. Человеком, который думает так же, как и он. И была мысль, светлейшая мысль, что за нее, за эту Сэм, или Серафиму – уже без особой разницы – стоит держаться еще сильнее, чем прежде. Выбор был из труднейших, и на долю секунды Хорнет замер, задумавшись. Оглядел ее прекраснейшее тело в черном мокром от пота белье, и решил...

Он мгновенно сблизился с ней. Сэм даже не успела среагировать и закрыться. Она ожидала всякого, то точно не того, что произошло. Джейк ее от всей души обнял.

– Теперь мне наплевать, кто ты. – сказал он ей на ушко, закрыв глаза и выдохнув. – Будь мне другом, Сэм.

– Конечно, Джей... – медленно кивнула она, прижавшись к его щеке, и обвив руками его спину. – Я буду тебе другом.

– Мы выберемся из всего этого?

– Я не знаю, мой дорогой. Я не знаю...

...Необычайное чувство раздирало Джейка, когда он нес в руках на половину заполненную коробку с запаянными банками армейской тушенки. Это было наслаждение только потому, что он чувствовал уже начавший давить на руки и суставы в них вес жратвы, которую мог бы поглотить сам. Но нет, ему следовало, как Спасителю с крестом, проделать большой путь до архивариуса, чтобы отдать это за столь ценную информацию. Но несправедливость такой подачи уже

не мучала мужчину. Его настроение было лучше и лучше с каждым шагом, неизвестно почему. Постоянно думая о причинах этого, он мерно шагал по полупустым коридорам бункера. То и дело прислушивался к звукам за дверями и морщился, когда те ему не нравились.

Конечно же, Хорнет не был глупым. Вскоре он нашел закономерный вывод, почему даже его отстранение от работы теперь его не страшит. Вероятно потому, что у него был шанс показать свое животное начало и скатиться до уровня самых отвратительных обитателей «Кило-11», однако он им не воспользовался. Такое желанное тело, которое само просило того, чтобы Джейк взялся за волосы и использовал как простую прокладку между собой и матрасом, а потом просто выбросил... И он...? А он оказался гордым, отвернул нос. Был добрым, но при том умел держать себя в руках. Заимел внутренний стержень, что несомненно радовало. Между сладострастными утехами для тела и человеческой совестью он выбрал правильный путь, оставшись довольным.

Интересно получалось, что Джейку было интереснее водить дружбу с коммунистической шпионкой, у которой еще непонятно что было в голове, чем со своими вчерашними сородичами, которые в атмосфере полной безнравственности и вседозволенности перестали быть в его глазах хоть сколь-нибудь достойными его внимания. Но это было не возвышение его, не чувство внезапно возникшей собственной важности и ни в коем случае не изменой своей Родине. Это было

полнейшим отчаянием от того, что защитники этой самой Родины ее таким образом позорят. Разбазаривают за дешевый секс даже собственные, собранные с голодающих и звереющих солдат, припасы, имеют за простое «спасибо» секретарш и настолько дико муштруют всех вокруг, что кажется, еще немного, и в их словах начнут проскальзывать нотки монархического уклада. Я – король! Король последнего американского бункера! Король Гилберт Френсис Гримсон! А вы все – простая гребаная погань – мои рабы для утех и выплескивания накопившегося пара...

Джейк прогонял все эти мысли как мог, но, как ни крутил бы их, не заворачивал в бараний рог и не пытался засунуть в фантомную жирную волосатую задницу, чтобы не разозлиться еще сильнее, скрипел зубами и хмурил брови. Вот такой вот – с перекошенным от злобы и ярости лицом, с половинчатой коробкой консервов и пустым отсутствующим взглядом – пришел к архивариусу.

– Гарри, я...

Он наконец оторвал свой безучастный взгляд от фантазии в голове, и чуть не выронил коробку с консервами. На него смотрел не живой человек, не Гарри, которого он знал, а обросший желтовато-синеватой кожей скелет с безумными выпученными глазами, которые смотрели только на него. Ребра под его запятнанной кофе рубашкой вздымались, а затем снова стремились к позвоночнику. Он дышал часто и пунктирно, иногда присвистывая через запененные зубы.

– Что это... Джейк...? – опустив свой выпученный и обезумевший взгляд на коробку с консервами, архивариус сделал шаг вперед.

Хорнет моментально сдал назад, оставаясь с ним на расстоянии. Отставил коробку на стойку, не отрывая глаз от заболевшего Гарри.

– Это... – пытался собрать мысли в голове он. – Я обещал принести... Консервы тебе.

– Консервы?! Еда?! – мгновенно оживился тот, облизнув сухие растрескавшиеся губы. – Это еда?!

Джейк услышал, как архивариус слегка засвистел через губы, медленно двинувшись к коробке с консервами. И вдруг необычайно сильно, до побеления ногтей на пальцах, сжал виски и скрючился как креветка, падая на пол. Хорнет едва успел его поднять, и вдруг оказался отброшен в сторону.

Едва поняв, что вообще произошло, Джейк глянул на метнувшегося к консервам мужчину, что жадно вскрыл коробку и достал оттуда одну из консервов. Гарри вцепился в ее жестяную крышку пальцами. Хорнет не мог поверить, что архивариус был способен на такое прежде, но то, что он увидел дальше, совсем повергло его в неопишуемый шок. Гарри, распарывая собственные пальцы, кряхтя и сопя через нос, пытался оторвать крышку от банки, даже не попытавшись воспользоваться ключом. Начал жадно грызть ее края и пытался смять ее своими трясущимися руками.

– Гарри! Гарри! – бросился к нему Джейк, пытаясь вы-

рвать банку у него из рук. – Что происходит, Бог мой!?

– Еда! Еда! – как заведённый рычал тот, капая кровью с рассеченных пальцев на пол. – Неужели ты хочешь?! Ты хочешь моей еды?! Я убью тебя за свою еду!

– Эй! – он попытался вырвать банку из его рук, но получил сильный укус в палец. – Твою мать! Какого черта ты творишь! Отцепись от банок!

– Закрыта, она закрыта! – не обращая внимания, твердил архивариус. – Тебе не отобрать ее! Она только моя... Моя еда... Еда!

С мерзким хрустом и скрипом, он вонзился в заляпанную кровью крышку зубами, совсем перестал чувствовать всякую боль. Этого Джейк испугался сильнее. Что за сила двигала его мышцами, его мозгом?.. Полноценное безрассудство, дьявольское безумие и настоящая чертовщина творилась сейчас перед глазами Хорнета. Он не верил, что все это было наяву, что хороший, в общем-то, человек смог превратиться в ревущее и стонущее животное, пытающееся через самоуничтожение добыть себе пропитание.

Но вдруг, замерев, Гарри снова посмотрел на опешившего Джейка.

– ...Ты ведь слышишь?..

Джейк сглотнул, отшатнувшись.

– ...Слышишь? – архивариус не моргал. А на пол, по капле, падала кровь из изорванных пальцев. – Ты не слышишь... Почему ты не слышишь?! Почему он мучает меня?!

– Кто? – Джейк прижался спиной ко входной двери, собираясь бежать.

– Звук! Этот звук! Который ты тогда принес для меня!

Хорнет почувствовал, как в его ребрах забилося сердце. Оно перекачивало кровь по организму с такой скоростью, что было и не вообразить. Но, наперекор этому, у него похолодели пальцы, лицо стало бледно-землистым, а во рту появилась сухость. И мир вокруг него словно поплыл. Еще немного и от испуга он потерял бы сознание, если бы мозг не решил плеснуть по венам адреналина, когда архивариус резко схватил его плечи. Нестриженные ногти архивариуса внезапно врезались ему в плоть за рубашкой. Придя в себя, все еще перебарывая дикий страх и мурашки, Джейк попытался скинуть рваные руки с сочащимся мясом со своих плеч.

– Это ты убиваешь меня! – обезумевшим взглядом Гарри вцепился Хорнету в лицо. – Я не позволю тебе убить меня! Я не позволю тебе отобрать мою еду! Еда! Моя еда!

– Успокойся, я прошу тебя! – крикнул Джейк, краем глаза увидев парящий кофе в стакане на стойке.

Всего одно мгновение, и движение головы Гарри могло закончиться глубоким укусом в шею. Но, даже не ожидая от себя подобной прыти, не обращая внимание на мгновенно появившиеся ожоги на пальцах, Хорнет плеснул ему в лицо почти кипящий кофе. Руки с его плеч убрались. Заревевший от боли, совсем уже не как человек, архивариус отошел от него. Схватился своими рваными руками за нос и губы. С

мерзким чавканьем и всхлипами, стал глотать висящие резанные куски со своих пальцев, отдирая их от костей.

Джейк вылетел за дверь, забыв обо всем. Бросился со всех ног наутек, пытаясь вспомнить дорогу к доктору Митчеллу. Тот мог подсказать, что делать в таких ситуациях, ведь слыл мужиком толковым и в медицине, и в психологии. А вслед бегущему раздавался страшный утробный рев:

– ...Я слышу его!..

Хорнет больно упал на колени уже перед самой дверью доктора, перед тем пролетев на одном сбившемся дыхании пару-тройку этажей. Перекачивая литры крови, в груди билось сердце. Пыталось высвободиться из рёберной клетки. А легкие стали замерзать от колкого и холодного чувства нехватки воздуха. В гортани встал острый ком, а ноги подкашивались от такой нагрузки. Все-таки он был не военным, и со спортом, не сказать, чтобы дружил. Едва не задыхаясь от спертого дыхания, он на карачках, отплеываясь и отхаркиваясь прямо на пол, дополз до двери. Цепляясь за ручку трясущимися от дикого темпа бега пальцами, сумел подняться. В глазах все потемнело, и от поцелуя с кафельным полом его спас только услышавший шум за дверями доктор Митчелл. Старенький лысенький мужичок в запятнанном белом халате, от которого пахло касторкой и какой-то неведомой медицинской дрянью. Ручка в его кармане больно кольнула Джейка в ребра, но он уже не обратил на это внимания.

– Что с вами, Хорнет? – старик явно узнал своего гостя и

поставил его на ноги. Всем своим видом доктор показывал, что не смотря на состояние пришедшего, требовал быстрого ответа.

– Я... там... – стараясь отдышаться и собрать слова, мямлил Джейк. – Что-то с Гарри! С нашим архи... Архиварусом! У него болела голова, а потом... Потом он набросился на меня. Черт подери! Что здесь вообще происходит?!

– Спокойнее, парень. – прихлопнул его по плечу доктор, приглашая в кабинет. – Отдышись и расскажи мне все нормально. Пойдем, я налью тебе кофе.

– Нет, с... – закивал Хорнет, заходя за двери. – Спасибо. Мне бы воды.

– И воды тоже налью. – хлопал его по спине доктор. – Проходи, нечего в проходе стоять.

В кабинете было темновато. И раньше это показалось бы Джейку странным, если бы он не держал в голове тот факт, что неделю назад, когда солдаты пытались на костре в своем ярусе погреть пойманных крыс, они сожгли часть проводки. Теперь половина яруса, где находился медицинский блок, куковала в сумерках. Доктор Митчелл тогда отшучивался, что на его этаже, в то время как на остальных постоянный день, постоянная ночь, и сюда можно водить больных, чтобы они отсыпались, вспоминая о том, как прекрасно было то время, когда время суток менялось по совершенно нормальным земным принципам. Хорнет прошелся вдоль пары кушеток, которые стояли вдоль стены большого меди-

цинского кабинета и присел на одну из них, уперев руки в колени. Он все еще не мог отдышаться, и ждал, когда доктор, вернувшись откуда-то из своих темных кулуаров, предложит ему стакан столь желанной воды. Знал, что она у Митчелла в кувшине в холодильнике, чтобы всегда была прохладная и особенно вкусная.

– Так как вы говорите это все случилось? – раздался голос доктора из темноты.

– Я пришел к Гарри отдать то, что я ему обещал. – спертым голосом, все еще тяжело дыша, начал рассказывать Джейк. – И я заметил, что с ним что-то не то. Он набросился на консервы как животное! Он начал... начал открывать их голыми руками, рвать собственные пальцы! Это было настолько... настолько ужасно, что у меня чуть не остановилось сердце! Я никогда такого раньше не видел. Возможно ему нужна ваша помощь.

– А вы говорили, что у него болела голова. – хмыкнул Митчелл, все еще не возвращаясь.

– Да у него... – сказал Джейк и вдруг заметил что-то за ширмой, которой была отгорожена значительная часть кабинета. – ...У него болела голова. Он говорил, что слышит какой-то звук, а до этого...

Не договорив, Хорнет встал, и медленно, озираясь, чтобы доктор неожиданно не вышел из темноты, направился к ширме, за которой виднелся какой-то силуэт. Еще один человек? Но почему тогда он молчал все это время, и поче-

му об этом не сказал доктор? Джейк медленно переставлял уставшие ноги, и не понимал, приближается он к ширме или нет. Все для него стало непомерно невыполнимым, даже самые простые движения после такого марафона выходили у него с диким скрипом и требовали железной воли и мобилизации всех последних его сил. Но, мало по малу, он двигался к белой перегородке, всматриваясь поочередно то в темноту, то в белизну.

– А вы, значит, не слышите? – раздался вопрос доктора. – Интересно... У меня по этому поводу была одна теория.

– Что за теория, доктор? – дежурной интонацией ответил Хорнет.

– Видите ли, Джейк... Этот бункер закладывали с военным назначением. Каждый из находящихся здесь, должен был работать в экстремальных условиях. – начал рассказывать из темноты доктор, хрустя каким-то стеклом и шумя железными приборами. – Пентагон был заинтересован в том, чтобы мы могли работать вплоть до нескольких дней без перерывов на обед, сон и еду. Чтобы мы пахали и пахали, как проклятые, даже после того, как наш мир будет разрушен. Правительству не нужны были люди, ему нужны были биологические организмы с четко определенными задачами. И они получили один из инструментов для этого.

– Что вы имеете в виду?

– Как же, вы не замечали? Наш кофе, Джейк. Он очень сильно отличается от того, что я пил когда-то в кофейне на

Таймс Сквер, где его готовил один усатый рослый макаронник.

– Чем же?

– Хе-хе... – раздался скомканный смешок. – Как вам сказать... Итальяшка не добавлял в мой латте военные стимуляторы на основе героина...

– Ге... – поперхнулся Джейк, резко повернувшись на темноту и остановившись. – Героина?! То есть все это время...

– Да, мистер Хорнет. – доктор все еще вещал из темноты. – Мы все были у них на игле. А теперь, когда их не стало, мы на игле у собственных торговых автоматов. Теперь они не кажутся такими безобидными, да?

– А почему эта теория все-таки «была»? Вы сказали так, словно отказались от нее...

Джейк все же подобрался к ширме, и медленно обхватил пальцами край белого замаранного сукна, за которым явно кто-то сидел. И он уже хотел было его дернуть, как вдруг снова заговорил доктор:

– Это все было хорошо. Эти теории заговоров, героин в кофе... Если бы не всего одно «но». Бедняга Кроули не пил кофе, однако на большую голову все еще жаловался. Он пришел ко мне, чтобы я дал ему таблетку. Тоже говорил про звuki в своей голове, на какие-то вопли, на тикающий, противный и едкий звук...

Голос внезапно оборвался. И шестым чувством своей пятой точки Джейк почувствовал что-то неладное. Доктор из-

менился: его голос, тембр и скорость, с которой он говорил. И говорил он теперь значительно ближе, чем когда еще только отправился в темноту. И неужели... Неужели можно было ходить за стаканом прохладной воды настолько мучительно долго? Даже видя мрак и зная о том, что в кулуарах его еще больше, Хорнет не верил уже, что Митчелл принесет ему воды. А потому собрал волю в кулак, и решил, что стоит принять неизбежное. Хотя уже и понял, к чему все шло. На столике доктора он заметил пару стаканчиков из-под кофе.

– ...Я решил, что могу помочь Кроули... – с мерзкими всхлипами произнес доктор.

Хорнет дернул белую занавеску. Встретился глазами с мутным и пустым трупным взглядом солдафона, которого еще недавно видел в компании Саманты. Отшатнувшись, Джейк уронил жердь, на которой была ширма, и увидел обезглавленное тело в залитой черной кровью медицинской кушетке.

– Я отрезал ему голову! – завопил Митчелл. – Отрезал ее, отрезал!!! Я убил его! Накромсал на части его поганое тельце!

Что-то в кабинете сдвинулось с места, и Джейк едва успел развернуться, чтобы предупредить удар доктора. Всего в нескольких сантиметрах от его щеки полоснул скальпель, пролетев мимо плеча и уйдя по дуге вниз. Оба упали на пол. Искривив улыбку и выплевывая свои черные едкие слюни, доктор щурился и всматривался своими яростными желты-

ми глазами прямо в лицо Джейка. А тот едва мог удержать наседающего старика. Ногой отпихнув от себя доктора, Хорнет резко распрямился и схватил ширму. Пихнул ей Митчелла в брюхо, опрокинув на спину. И вдруг тяжело выдохнул, поняв, что старик ловко, с прытью, достойной лучшего применения, ушел от нового удара. Джейк махнул еще и еще, но старик, продолжая скалиться и пуская слюну, все не попадал под удар. Он умело лавировал, предугадывал движения оппонента, и, опустившись на четвереньки, как леопард подбежал к Джейку и запрыгнул на него спереди.

Повалившись вместе со стариком на себе, Хорнет ощутил страшный удар спиной об скользкий замаранный кровью армейца пол. Сверху на него снова навалился Митчелл, агонизирующими руками стараясь выцарапать глаза. С его губ не слезала поганая кровожадная, залитая слюной улыбка. Пыхтя и вырываясь, Джейк попытался ударить его, однако оплеухи получались вялыми и не сильными. Они только раззадорили старика, который рвал на нем одежду, расцарапывая руки и лицо.

И вдруг Джейк схватился за что-то холодное и металлическое. По наитию рванув это откуда-то с трупа в кушетке, ударил доктора по голове. И вдруг на несколько секунд оглох. По всему его лицу разлилась бурая кровь с остатками мозгов доктора. А само мертвое тело вдруг потяжелело и одеялом свалилось на него сверху. Джейк сжимал в трясущейся руке большущий наградной Кольт.

– Твою мать! – вырвалось у него. – Вот же, твою мать!

Поднявшись и утеревшись, он осмотрелся. Все вокруг было в крови и мозгах. С развороченным черепом, похожим больше на руины древнего Мачу-Пикчу с его большими каменными и выступающими в небо храмами, на полу лежал доктор, лицом вниз. А рядом на серебряном подносе, как чертово кушанье, была голова Кроули, снятая с его окровавленного тела. И Джейк не мог понять, было ли все это с ним в действительности, или же он уже тоже поддался на провокации и пивнул запретного героинового кофейку? В его голове был шум от выстрела. Мысли заплетались клубком шипящих змей, не способных распутаться самостоятельно. Страшный колокольный набат, но не боль. Тяжесть, но не безумная мигрень... Он все еще был живой.

Широко раскрыв от всего этого действия глаза, и не зная, как завопить так, чтобы на душе мгновенно стало легче, он неровно побрел на выход из кабинета доктора. Ускорив шаг и сжав в руках пистолет, пошел обратно на верхние ярусы. Ожидал, что может быть где-то еще там есть спасение. И вдруг ему подумалось, что стоит все рассказать Гримсону. Полковник, должно быть, как человек военный, сможет оперативно решить эту проблему. Пусть и с применением огнеметов. Джейк боялся настолько, что ему было уже наплевать на то, каким именно способом этот бункерный Гитлер будет искоренять угрозу всем оставшимся жителям.

Хорнет пугливо озирался по сторонам, но все еще шел

наверх, упрямо и неумолимо. И вдруг впереди закончилась лестничная клетка и начался новый этаж.

...Это было помешательством. Полнейшим и бесповоротным бредом, который мог созреть только в этом месте, как большой сочный и напитанный мощнейшими токсинами из воздуха гриб. И это безумие, по грибницам этого сраного бункера, по его внутренним переплетениям и коридорам, распространялось как болезнь. Сжирало за раз целые громадные экосистемы в виде этажей и отсеков. Все перемешалось в этом подземном американском королевстве. И все, кто жил здесь, перестали быть людьми.

Одни с диким ревом и воплем, впивались зубами в других. Те с нетерпением ласкали первых, раз за разом проговаривая им самые нежные слова, как дьявольское радио, истекая кровью и наслаждаясь этим. Глаза закатывались, и люди срывались друг на друга с ножами, с обломками бутылок и с голыми руками. Кто-то раздевался и танцевал прямо в коридоре, измазывая себя сочащейся кровью из своих или чужих ран. Девушки, которые еще остались в бункере, немедленно зывали к себе мужчин и прямо посреди всей этой вакханалии светили своей грудью, раздвигали перед ними ноги, разрезая себе вены и вскрывая артерии. А мужики, завидев такой пир, срывались до состояния свиней и начинали, обсасывая изорванное женское мясо, втягиваться в процесс, и вставлять своим новообретенным невестам до самого упора. То тут, то там слышались шлепки, глухой звук разрезаемой

плоти, хруст костей и черепов, лязг зубов и золотых врыва-
емых коронок. Вопли, крики, еще больше воплей! Одни пи-
щали, другие визжали. Звали собственную мать, а другие по-
клонялись дьяволу, считая, что это их избавление от всего
пережитого.

Прямо перед Хорнетом из дверей выскочила пышногру-
дая девица, и начала собственными ногтями, с болезненным
криком разрывать себе лицо, рвать челюсть вниз, и давить
свои глаза, срываясь на крик:

– Я слышу его! Я слышу...!

Вдавлив собственные ногти себе в горло, она обхватила
трахею и с хрустом начала отрывать ее от позвоночника, про-
должая при этом кричать, но уже с хлопаяющим гортанным
звуком:

– Я слышу его! Я слышу...

Изрыгнув кровью прямо на рубашку и ботинки Джейка,
она все же оторвала свою трахею, и улыбнувшись, показала
ее перед собой. Упав на колени, и истекая кровью, поползла к
нему, нежно хватаясь руками за ноги, за икроножные мыш-
цы, за бедра и за пах. Окровавленной щекой прислонилась
к его ширинке, начав скользкими пальцами ее расстегивать.
Хорнет отшатнулся назад, и тогда девушка снова поползла к
нему, но не успела. Умерла от потери крови, шваркнувшись
лицом об плитку на полу.

Вдали раздался шум. Тройка мужиков, ревя как медведи,
громила кофейный автомат. Они ломали себе руки, разбива-

ли лбы и кулаки, пытаясь пробиться в железные внутренности кофемашины. Наконец оттуда начала бить струя кипятка, под которую собрались все, кто был вокруг. Горячая бурая вода облила всех, кого только смогла. В воздух подался белесый пар, и мгновенно тошнотворно запахло сваренным в кофе мясом. Несколько человек упали замертво. А те, кто уцелел, смогли еще на последок засадить друг другу в неповрежденные горячим кофе места. Просто животная похоть овладевала всеми, кто был еще жив – пол жертвы уже не имел абсолютно никакого значения. Хорнет едва отбил от троих бросившихся к нему изуродованных кипятком мужчин. Он высадил шесть пуль и попал лишь два раза. Третий упал от потери крови и сильнейших ожогов на лице. Но даже после этого продолжил ползти к своей цели, и умер у самых ботинок Джейка.

Повсюду была кровь, кофе и дерьмо. Мертвые овосковевшие лица, замаранные желтой семенной жижей. Люди перестали быть людьми. И все твердили одно и то же, иной раз прерываясь в своем дьявольском пиршестве:

– Я слышу его! Я слышу его!

Около самого кабинета Гримсона на Джейка бросился один из его подчиненных. Этого негра он практически не узнал: лицо было невероятно перекошено от безумия, а пожелтевшие глаза не знали на что им посмотреть, и постоянно вращались в орбитах. Завопив, чернокожий сжал и разжал кулаки, стараясь схватить бывшего начальника, но не успел –

последний патрон оказался в его коленке. Джейк едва успел выстрелить и отбился от ползущего к нему негра только дверью кабинета.

– Сэр! – что было сил заорал Хорнет, и остолбенел. То, что он увидел, было уже ожидаемо.

Полковник жадно насилывал мертвую секретаршу на своем столе. А вторая, держа в руках обломки стекла, резала себе глаза, дьявольски улыбаясь во все свои тридцать два белых зуба. Рыча, Гримсон свободной рукой взял еще живую секретаршу за волосы, и резко вогнал свой главный орган прямо ей в пустую глазницу.

– Хорнет! Хорнет! Пошел ты, ублюдок! Ты коммунистический ублюдок! Здесь повсюду коммунисты! Одни гребанные коммунисты повсюду!

– Твою мать... – от осознания того факта, что перед полковником лежит заряженный пистолет, а его обойма пустая, Джейкоб прижался спиной к закрытой двери, в которую бился раненный в колено негр. – Вот сука!

– Давай, вот так, сучка! – приговаривал он своей истекающей кровью, но довольной до дрожи в коленях секретарше. – Глубже, сучка! Коммунисты! Я истреблю всех коммунистов! Они будут гореть в аду! Коммунисты! Коммунисты! Нужно было их убить – всех! Убить их женщин, убить их детей, убивать их даже в виде их поганого семени! Потому что они недостойны жить в нашем мире, они недостойны существовать.

И вдруг он рванул свободную руку вверх, входя все глубже в голову уже мертвой и бледной секретарши:

– Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!!!

Последнее Джейк услышал уже за дверью. Страх припер его настолько сильно, что он пробежался по спине бьющегося в агонии негра и, выбросив пустой пистолет в сторону, снова бросился по лестнице наверх. Теперь его интересовала только одна жизнь во всем этом треклятом бункере. Жизнь Саманты.

На этаже, где она жила, история повторялась абсолютно точно так же. Слышался шум и гам, люди смешивались в единое кроваво-костяное месиво, и убивали друг друга, любили друг друга и с невероятным усердием пытались добраться до кофе из автоматов. Они крушили все подряд, раздевались и танцевали в сплошной толпе, сплетаясь языками с другими такими же. Девушки обливали груди кровью и до блаженного возгласа из хрипящего рта сжимали их, что было сил. Манили к себе мужчин и впивались в них зубами, губами, старались выщедить каждый грамм их живительной влаги. А мужчины били их по глазам, хватали за их распутные языки и со склизким звуком пытались выдрать из глотки, чтобы высвободить место для своего единственного сейчас друга, что был пониже. Стоны, крики и бесконечный дьявольский хохот, откуда-то из кабинетов, хриплые возгласы и бой стекла, которым на лоскуты распускали кожу на еще живых телах. Джейк еле успевал отбиваться от этого всего,

просачивался в сантиметрах от окровавленных зубов с объединенными губами, которыми его пытались зацепить и уку- сить. Перешагивал через трупы, которые сжирали оголодав- шие служащие в рубашках и с бейджиками, и которые утас- кивали к себе всякие любители доступного секса. Иногда это были уже даже объедки, две ноги без верха, с торчащим сло- манным позвоночником и рваным мясом по краям, шматы которого разлетелись как нимб. Реже – верх, где еще бол- талась безучастная голова с застывшим обезумевшим взгля- дом и изувеченным, разорванным ногтями лицом, с трясущимися грудями, за которые хватались все, кому не лень.

Хорнет откинул от себя одного бросившегося на него оч- карика. Едва сумев не заглотив брызнувшей крови, отшат- нулся к стенке и мгновенно потерял опору. Дверь кабинета Сэм была не закрыта, и он рухнул на пол, мгновенно услы- шав ее крик:

– Джейк!

Он поднял взгляд и увидел, как с нее сдирают одежду трое мужчин, а одна девушка лезет между ее ног, облизывая го- лые зубы без губ.

– Я слышу его! – рявкнул кто-то из мужчин, вцепившись зубами в лифчик Саманты. – Помогите мне! Я слышу его!!!

– Джейк, помоги мне! – верещала Сэм, пытаясь отбиться. Одному из нападавших она сломала челюсть, но он с новой силой прижал ее шею к рабочему столу.

Хорнет растерялся, но мигом заметил лежащий на полу и

залитый кровью склизкий Кольт. Точно тот самый, который он тогда увидел в тумбочке девушки, и который показался ему тяжелым. Теперь, он подполз к нему быстро, и обхватил так, что тот, под напором, чуть не повернулся в руке из-за скользкой крови. Удержав пистолет и быстро его подняв, Джейк выстрелил. Пуля заскочила точно в глаз безгубой девушки. Но та не упала, схватилась за него, а потом за виски, и неожиданно жалобно застонала, глянув на Джейка:

– Я слышу его... Помогите мне...

Потеряв равновесие, она рухнула на пол. Ее череп от этого легко хрустнул. Бурая кровавая каша начала расплзаться по полу. На секунду замешкавшись и сглотнув, Хорнет выстрелил еще два раза, и свалил пару мужчин. Одному попал в шею. Пуля, разбив трахею, вышла через позвоночник, перебила кость. Мотая не держащейся головой, он кивнул, и упал прямо на Саманту. Но та быстро его сбросила. Вывернувшись из объятий третьего, со всего маха вонзила ему в глаз затупившийся карандаш, затем шваркнув лицом об стол.

– Джейк, что происходит?! – спросила она его, быстро оглядываясь по сторонам.

Ее юбка была порвана до самых черных трусов и держалась только за счет тугого пояска с золотой бляшечкой. Ноги были измараны кровью. На них было прекрасно видно громадные дыры изорванных чулок. Видимо, Сэм готовилась еще к какому-то визиту, но не ожидала сразу четверых любовников. Ее белая блузка превратилась в лохмотья, из-под

которых она вытащила изорванный зубами черный лифчик и откинула его в сторону. Рукой заправив волосы за ухо, откуда-то достала ключ и взяла из рабочего стола ещё один пистолет.

– Ты... ты цела? – спросил ее Хорнет, наконец перестав разглядывать ее практически голую грудь, которую она спешно замотала остатками блузки. – Там суший ад.

– Да, Джей, я заметила. – иронично кивнула она, переводя дыхание. – Из-за чего все это?

Оказавшись у дверей, она подперла их стулом, и наконец расслабилась, заткнув пистолет за поясok юбки.

– Я был у Гарри, когда все началось. – ответил ей Хорнет. – Затем у доктора. Этот маньяк отрезал голову Кроули! И чуть не полоснул меня скальпелем. А потом все закрутилось. Гримсон оттрахал трупы своих секретарш прямо у меня на глазах! Одну – в глазницу.

– Ужас какой-то... – обессилено вздохнула Сэм. И схватилась за голову, искривив лицо до неузнаваемости. – А! Твою мать!

– Сэм!

– Отойди! Отойди! – она махнула рукой в его сторону, падая на колени. – Я слышу его! Твою мать, я слышу его!

– Кого? – пытался приблизиться к ней Джейк. – Да кого же вы все слышите?!

– Чернобыль. – не своим голосом ответила девушка, подняв на него свои обезумевшие глаза. – Чернобыль... – от бо-

ли Саманта перешла на русский. – Я слышу «Дугу»...

– Как, черт подери, это возможно?! – крикнул, разведя руками тот. – Как гребаные русские смогли это сделать?! Доктор сказал, что это могло быть кофе. В нем были военные стимуляторы для мозга на основе наркотиков. Но ведь не все пили кофе, и все равно слышат этого чертового «Дятла»!

– А ты не слышишь?! – взгляд Сэм изменился. – ...А ты не слышишь его?!

Джейк испугался и отступил. Он уже слышал такую фразу, и ничем хорошим она тогда не заканчивалась. Девушка снова опустила взгляд, сжав виски руками.

– Нужно уходить отсюда. – сказала она, пытаясь отдышаться и перебарывая дикую головную боль, которая буквально рвала ее полушария. – Нужно покинуть этот чертов бункер!

– На поверхности радиация. – ответил ей Джейк. – Там десятки тысяч рентген. Мы поджаримся раньше, чем ступим шаг.

– Там нет радиации! – крикнула Сэм, еще сильнее сгорбившись от боли. – Как тогда по-твоему мои радары ловили сигналы?! Нас не бомбили! Над нами нет ни единого рентгена, потому что все это придумал Гримсон! Эта паскуда решила держать нас в бункере, чтобы у него был ручной голодающий скот и способ свалить отсюда, когда он набалуется вдоволь!

– А вдруг это только догадка? – повысил голос Хорнет. –

Мы ведь не знаем наверняка...

– Зато мы знаем, что здесь нас загрызут. – наперекор ему ответила та. – Или что я стану похотливым животным и оторву тебе член! Я уже вся теку, Джейк... Эта дрянь, похоже, действует на слабости. Я все меньше могу себя контролировать и все больше хочу наброситься на тебя. Нам уже пора вверх!

Времени думать не было. Глаза Саманты желтели с каждой минутой и это было верным признаком того, что она скорее всего рано или поздно превратиться в одного из существ, что были за дверью, и скреблись всем чем еще могли. Зря она тогда выпила этот поганый кофе из автомата! Схватила свою дозу и теперь корчится тут, как и все остальные любители бурой американской автоматной жижи, похожей на разбавленное собачье дерьмо! Джейк подхватил ее под руку и микроскопическим участком кожи ощутил то, о чем Сэм говорила сейчас. Ее грудь теперь можно было резать стекло, и это было очень недобрым знаком в этих условиях. Изгибаясь, как змея, и не зная, как уgomонить то, что с ней происходит, она едва сумела подняться на ноги, но выронила свой пистолет, схватившись за голову. Весь поход теперь ложился на плечи почти одного только Хорнета. Ему нужно было вытащить ее, вытащить своего товарища, не смотря ни на что и ни на кого.

Идея была безумной. Все время, что они сидели в этом затхлом проперженном подвале ему вдалбливали в голову и

приминали сверху пропагандой, что снаружи дикая радиация, что даже тараканы там отращивают себе лишние конечности, чтобы, когда старые отмирают, не падать и ползти прочь из этого места. Эту версию вещали из каждого утюга. Каждый разговор, который он слышал, особенно в начале бомбардировки, был о том, что снаружи изотопы кобальта, что там была взорвана русская радиологическая бомба. Другие говорили, что три, кто-то называл пять, семь, десять, да сотни! Если поверить этому, то можно было бы взглянуть на карту и увидеть сплошное фoniaщее месиво из океанов и материков, что когда-то были зелеными и благополучными. И вот теперь, зная это все, требовалось перебороть это знание и попытаться спастись хотя бы так. Ведь... хуже уже не будет, верил Джейк. Умереть от стекла и быть изнасилованным в глазницу, или стечь на горячую от радиации землю как бескостное желе – иллюзия выбора. Но, Хорнет его сделал. И пинком отбил от двери подпиравший ее стул. Четыре раза выстрелил через нее, чтобы расчистить путь, и открыл проход.

Тащить Сэм было бы не слишком трудно. Все-таки фигурка у нее была что нужно, и все при ней, без даже грамма лишнего веса. В мирных условиях Хорнет подхватил бы ее на руки и потащил сразу под венец, но об этом приходилось только мечтать. И теперь свою недоступную мечту, окровавленную и в лохмотьях, с растрепанными волосами и мокрыми трусами он тащил через озверевших сотрудников, каж-

дый из которых повторял одно и то же:

– Я слышу его! Я слышу его... Помогите мне...

Патроны кончились почти у самого последнего этажа. Дальше было только безлюдное пространство. Этот обезумевший человеческий муравейник должен был скоро показать свой главный выход. Плотность обреченных людей здесь была намного ниже, и Хорнет, почувствовав прилив сил, перешел на легкий бег, подтаскивая и потряхивая Саманту, чтобы та не отключалась и все еще сопротивлялась сигналу от «Дятла». Она была славной, твердил себе Джейк, хорошенькой была эта русская шпионка, сильной и смелой, все еще боролась с неведомым внутри себя, уже почти даже не стоя на ногах. Но внезапно он почувствовал, что ее рука медленно гладит его по причиндалам, а ее губы, горячие и мокрые, осторожно касаются его шеи, целуя.

– Джейк... – медленно сказала она, закрывая глаза. – Я уже не могу...

– Терпи, Сэм. – оскалившись, он тряхнул ее, пытаясь привести в чувства.

– Возьми меня, дорогой. – просила она, корчась от боли в голове. – Давай, милый...

– Сэм! – твердо сказал он, снова тряхнув ее и продолжив тащить, скинув руку со своих штанов. – Держись, Сэм.

– Я сделаю абсолютно все, что ты захочешь... – она еще раз медленно поцеловала его в шею. – Пожалуйста, Джейк... Сними все это... Я слышу его... Я слышу...

– Мы уже почти рядом. – Хорнет заметил в конце коридора громадную противоядерную дверь, которая вела на самый верхний этаж, дальше которого была уже сырая земля.

Ее дрожащие пальцы осторожно коснулись его лица. От этого по спине пробежал холодок, а кожа поднялась мурашками. Он чуть сбавил шаг. В голове пронеслись абсолютно дрянные мысли, в которых он кидал ее на пол и сдирал остатки одежды, жадно раздвигая ее ножки. В мыслях, что вились внутри него, он сам становился подобен животному, пускал слюну и обнюхивал каждый миллиметр жаждущего его женского тела. И, закрыв глаза, Джейк мотнул головой, чтобы сбить весь этот бред. Оскалился, что было сил, снова потрянул прикусившую губу Саманту и потащил ее к дверям. Последние шаги, последний рывок к вероятному спасению.

– Джейк... – просила она, уже откровенно сунув руку ему в штаны. Мужчина почувствовал ее холодную и крепкую хватку. – Давай же... Такой крепкий и горячий. Достань его, пожалуйста... Дай мне его...

– Тебя зовут Серафима. – вдруг выдал он, тяжело дыша. – Серафима Круглова. Ты работаешь на КГБ! Слышишь меня?! Ты майор КГБ! И мой друг! Держись же, черт тебя раздери.

– Я слышу его... – твердила она. – Я...

Неуютно сглотнув, она моргнула и приоткрыла глаза, увидев громадную дверь на поверхность. Скупое улыбнулась.

– Я твой друг... – внезапно сказала она, глубоко вдохнув.

Джейку стало несколько легче. Теперь он перестал ее тащить, а лишь поддерживал. Ее мокрые и босые ноги наконец стали ее вести, а не просто болтаться мёртвым грузом. Последний шаг, самый последний! Хорнет провел своим бейджиком по металлический магнитной коробке. Захлопнутые перед атомной войной двери медленно стали расходиться.

– Спасибо, Джейк...

Странное и большое темное помещение. Хорнет запомнил его другим. Когда судорожно забегаешь в громадной толпе, держа в голове лишь мысль о том, чтобы двери пропустили всех, в том числе и тебя, не замечаешь абсолютно ничего, кроме спины, за которую можно схватиться, чтобы не упасть. И вот теперь то, что он запомнил похожим на спичечный коробок, набитый визжащими и страшащимися смерти блохами, стал громадным трюмом нефтеналивного танкера, под завязку наполненным черной и дурно пахнущей субстанцией. Запах здесь был застоявшийся, болотный. Тянуло сверху, через какие-то щели вынесенных с креплений железных ворот. Но до них еще нужно было добраться, вытерпеть смрад полуразложившихся тел, которым не повезло добраться до укрытия. Того и гляди, ноги вступали на что-то склизко-твердое, на вонючее и бурое, с которого кучками разбегались отъевшиеся и пищащие крысы.

Если бы Джейк не знал, что держит Сэм под руку, он бы ее давно потерял в этой темноте. Даже привыкнув, глаза не различали ничего, словно были выколоты ножом. Темень, те-

мень и вонь, сплошной мрак, за которым, казалось, не было уже ничего. Сколько они вдвоем пробыли в этой темноте? Час? Может два, три, шестнадцать? Время растягивалось до бесконечности, и отмерялось теперь только по едва ощутимым вдохам девушки под боком. Крюгер все еще не сдавалась под напором звуков голове. Мерно и тихо стонала, свободной рукой поглаживала черные кружевные трусы меж ног, но держалась. Стала почти одним целым с Джейком, и уже не представляла, как сможет оторвать от него свою заледеневшую руку, за которую он ее вел. Удивительно, но теперь в ее глазах он преобразился, и стал человеком другим, более смелым, решительным и отважным. С другой стороны, добрым и по-детски привлекательным. И это... в какой-то мере было соблазнительно и хорошо.

– Почему ты спасаешь меня? – спросила она вдруг, жмурясь и скалясь от боли в висках. – Я ведь могу... как они...

– Потому что хочу. – зло отшутился тот, поддернув ее под руку, чтобы она не раскисала. – Я хочу, вот и все. А если серьезно... потому что не смыслю себя без тебя. Мы ведь друзья с тобой, Сэм.

– И не враги? – переспросила она.

– Знаешь... Я ведь сорвался тогда, потому что это было неожиданно. – оправдался он. – Я даже не знаю, почему я считал вас врагами. Я никого не считаю себе врагом, я живу свою жизнь в окружении людей. Людей таких же, зачастую, как и я. И уверен, что по ту сторону океана тоже есть десятки

тысяч славных ребят, которые не хотели того, что получили из-за кучки идиотов...

– Так значит ты ни на чьей стороне?

– Я за всех. – поправил он ее. – В конце концов так правильнее. Ведь неблагоразумное меньшинство вогнало в каменный век громадную часть населения планеты. И даже после этого они продолжают накачивать нас и вас злобой друг к другу. Да пошло оно все! Политика, пропаганда – это все дьявольские инструменты, превращающие тебя в животного еще до того, как ты услышишь этого чертового русского «Дятла». Мой отец всегда говорил, что нет никакой разницы в том, какой ты: черный, желтый, белый или русский – костями мы все одинаковые.

– Кем был твой отец? – немного взбодрилась Сэм, повернув на него свое лицо. Но в темноте были видны лишь очертания.

– До войны он работал на радиостанции наладчиком аппаратуры. – рассказал ей он, тяжело выдохнув и снова тряхнув под руку, потому что она затекла. – А потом оказался призван в армию радистом. Высадка на Гуадалканале, Соломоновы и Маршалловы острова... Потом Нормандия. Во время войны он видел всяких людей. Видел тех, кто напился пропагандой и отправлялся добровольцем, но увидев фронт вопил о возвращении. Видел и тех, кто был призван без личных эмоций ко врагу, но в ходе боев переполнился лютой ненавистью. Одни хотели смерти всем своим врагам, другие

понимали, что эти враги – обычные люди, за которыми стоят политики, и по большому счету солдатам между собой было нечего делить. Отец видел много, и многое мне рассказал... А твой? – вдруг наклонился он к Саманте, ощущая, как она слушает его, почти не дыша. – Ты ведь говорила, что он работал на русскую разведку.

– Не всегда... – разминая ноющие виски, проговорила она, выдохнув. – Он начал в Финскую войну, получил два ранения и был комиссован. Но вернулся в строй, когда началось наступление на Ржев. Он прошел всю войну, получил еще два ранения, и дошел до Берлина. Ну, а после войны, решил, что необходим в НКВД.

– Так значит, наши отцы – хорошие солдаты?

– Солдаты, сражавшиеся за мир. – поправила она его. И вдруг грустно, но звонко усмехнулась. – ...Я не представляю, что бы он сказал мне сейчас, узнав, что мы сделали с нашим миром...

– Разве это сделали мы?

– Мы промолчали, Джейк. – мотнула она головой. – ...мы промолчали...

На мгновение воцарилась почти гробовая тишина. Лишь звук того, как ноги Сэм в чулках переступали по скользкому бетонному полу напоминали о том, что они не были в черном зловонном вакууме, а все еще тащились по длинному и широкому коридору на встречу к поверхности. И вдруг, тихо и чисто, как с новокупленной граммофонной пластинки,

завучал голос Саманты. И по черноте ядерного бомбоубежища понеслись напевные русские стихи:

*«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...»*

Стихи оборвались и Джейк услышал душераздирающий, но скомканный всхлип. Соленая и жаркая капля, прокатившаяся по запятнанному кровью лицу Сэм, сорвалась с ее подбородка и разбилась об пальцы в чулках. В ее груди было дикое и необузданное чувство обиды, словно в сердце сидел тупой и широкий нож, разделяющий сердце. У нее не осталось никого, кроме Джейка. А у Джейка не осталось никого, кроме нее... И эта пустота, эта чернота, и смердящая смертью и трупами дрянь вокруг, что называется бункером... Этот поганый звон в голове! Пунктирный тоскливый звук, который разъедает сознание.

У Джейка в висках стучала кровь. Он страшно устал, как вдруг...

– Я слышу его... – едва слышно сглотнув, Хорнет остановился. – Я тоже слышу его, Сэм...

– Что? – спросила она. – Как ты его слышишь? Но тебя не гнет от боли?

– ...Нет... – ответил он. И изо рта его вырвался пар. – ... Он словно зовет меня...

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Джейк прислушался. Ему не показалось. Он действительно улавливал этот звук, но не мог понять, с какой стороны он шел к нему. Поворачивался одним ухом, другим, но звук нисколько не изменялся. Он был повсюду, со всех сторон.

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Это было уже не смешно, и по спине скатилась капля крупного пота. Нервы около позвоночника сдали, и что-то екнуло там, словно пинком отправив остановившееся мужское тело вперед. Хорнет не понимал, идет ли он сам, или подчиняется чему-то. Было в этом что-то невероятно злое, похожее на ловушку, но как будто бы и нет! Звук был глухой, едва слышимый, но ощутимый не человеческим чувством, не слухом. Разумом.

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Звук начал медленно усиливаться, и Джейк ускорил шаг. Он чувствовал, как Саманта пытается сопротивляться ему, остановить его, но в один момент сдалась. Девушка покладисто и послушно, абсолютно молча и лишь иногда всхлипывая от невыносимой мигрени, злость которой Джейк еще не ощутил на себе, плелась рядом с ним. И захлестнул не страх, не кошмар перед неизведанным чертовым звуком, а жгучий интерес, интрига в том, что же может скрываться за ним. Действительно русские? Или может радиация? Потoki какого-то невиданного волнового излучения, создаваемого израненной и дырявой атмосферой? Солнечные вибрации, земные вибрации? Или все же общее человеческое помеша-

тельство?

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Джейк как заведенный шагал вперед.

Впереди показался тусклый свет. За щелью между дверным косяком и сорванной с петель железной дверью была ночь. Настолько темня и крошечная, что самым ярким источником света во всем это были лишь многочисленные звезды. Бескрайний Млечный Путь, расположившийся в шаге от пределов небесного пространства, мерно заглядывал в эту щелку, словно стремился узнать, выйдет ли кто-то из-под земли на его белый и холодный свет. Яркие звездочки, переливаясь, сверкали на черно-синем глубинном сукне, зазывая к себе человеческую мысль. Звали размышлять о них, думать и решать, как к ним присоединиться. Там, на небосводе, было спокойно, тихо и словно равнодушно ко всему. А на земле лишь погнутые жженые деревья, рваная почва и кости, торчащие из земли как коренья.

«Дятел» в голове начал бить сильнее, но вот боли все еще не было. Может, кофе лишь добавлял что-то, усиливал, но все же не был источником, рассуждал про себя Джейк. Может, доктор говорил правду, что и те, кто не пьет эту героиновую жижу из кофематов, тоже слышат сигнал от неизвестного источника? А может... это эти звезды?

Хорнет на секунду прислушался к шуму внутри себя и переглянулся с Сэм. В свете звездного неба ее лицо, смотрящее на него не то с жалостью, не то с материнской добротой,

было настолько прекрасным, что он не мог им не насладиться. Такой, в его руках, она была еще красивее. Мечта, ради которой манящим звездам можно было сказать «нет». И она придавала ему сил. Что оставалось ему сделать для нее? Да все, что только возможно! Собравшись с духом, он дернул скрипнувшую дверь и замер от того, насколько прелестным было сочетание громадного и проявившегося во всей красе Млечного Пути и Саманты. Они настолько дополняли друг друга, что это больше походило на картину, чем на его настоящую жизнь. И проскочила мысль: «А может, я все-таки умер?».

– Это невероятно... – Саманта округлила глаза и вырвалась из объятий Джейка, босиком выбежав на развезенную и подстывшую грязь. На улице было около нуля.

Она, что-то себе придумав, сделала несколько шагов и расправила руки по сторонам. И тут же широко и довольно улыбнулась, взглянув на Джейка. Со смехом, дважды повернулась вокруг себя и радостно вскрикнула:

– Это невероятно!

Обрадовавшись, Джейк поднялся из бункера, оставив проход позади. Обувь ступила на хрустящую морозную грязь, промяв ее под собой. Через подошву по стопе разошлась настоящая неподдельная прохлада. А воздух был настолько чистым, что в «Кило-11» даже не снился. И ни одно грамма радиации...

Он широко улыбнулся, и глянул на Сэм. Но мгновенно пе-

ременился в лице, когда увидел, как у нее неподдельно сверкают зрачки. В них отражалось что-то, чего он не видел.

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

– Что, Джейк? – немного смутившись, но не потеряв радостного вида, спросила она.

Он обернулся, думая, что девушка видит какой-то свет за ним. Но нет, там был лишь темный проход, небольшая кирпичная будочка, наклоненный обгоревший лес и вывернутая каштановая холодная грязь. Хорнет немного приблизился к ней, заглянул в глаза, и отшатнулся. Она видела костер. В ее глазах дрожал отраженный огонь.

– ...твои глаза! – поднял руку он, указывая пальцем. – Что ты видишь?

Сэм вдруг смутилась.

– А ты не видишь?..

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

– Что я должен увидеть?

– Глупышка, Джейк...

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Он бросился на землю, когда ее пальцы в чулках оказались в сантиметре от гребня замерзшей грязи, и на них не осталось и следа от нее. Разведя руки в стороны, Сэм поглядела на него сверху вниз, увидела, как он, сидя на заднице, пытается отползти и вжимается в землю. Девушка парила в нескольких сантиметрах от поверхности, и волосы ее веером расходились под невероятным дуновением како-

го-то фантомного ветра. Джейк ощущал только полнейший штиль. Усмехнувшись, Сэм горделиво подняла подбородок и повернула ладони вверх. Джейк понял лишь то, что его глаза мгновенно прищурились от ярчайшей вспышки. Зрачки были не могли такое сдержать, а потому он прикрылся рукой, не в силах сдвинуться с места. Темп и громкость стука «Русского Дятла» в голове нарастали, и он считал это полнейшим безумием, пока не открыл глаза.

С нее облетали частички кожи, подобно листкам молодого бука по осени, стремились уйти в стороны, исчезнуть и затеряться в этой бескрайней ночи. И там, где из-под этого сора должны были показываться человеческие мышцы, было лишь огненное пространное свечение, сохраняющее контуры ее рук, и ее ног. На ней плавилась и сторала одежда, но ей было не больно. С женского лица не сползала довольная и счастливая улыбка, а пальцы понемногу оживали. Ярчайший желто-оранжевый ореол приходил в движение, сам становился Самантой. Каждая ее черта заменялась линией из пляшущего огня, из покатых гребней пламенного сияния. И это завораживающе, великолепно и дивно настолько, что Хорнет, пусть и боялся, но не мог оторвать взгляда. Из человека в одежде, из человека с кожей и плотью, она становилась живым божеством, выглядящим как мечтание, как грезы одинокого потерявшегося в собственной жизни путника. Волосы ее были подобны сияющей короне, ее тело без единого огреха и скомкивающей одежды. Ее ноги, как копье, го-

товое вонзиться, оказались недозволительно близко к земле, но не касались ее.

– ... Сэм... – только и вырвалось у Джейка.

– Неужели ты не видишь? – спросила она, опустив на него свое лицо. Медленно коснулась пылающими ножками земли и сделала шаг к нему, протягивая руку. – Джейк, неужели ты все еще слеп?

Ее визуально заострившиеся пальцы медленно потянулась к нему. А гроыхающий звук в голове еще сильнее нарастал. По лбу скатилась капля холодного пота, что защипала глаза. Но Джейк решил, что он не будет ей сопротивляться. И если и умрет от этого огня, так хотя бы не под землей.

– Джейк... – нежно произнесла она, коснувшись его небритой щеки пальцами.

Т-р-р-р-р-р, пи-и-и-ип.

Толчок. Все вокруг него словно перестало существовать. На секунду перед закрытыми глазами встала крошечная темнота. Не было свечения, не было звезд и прохлады земли, на которой он сидел. И не было звуков. Никаких. Голова ясная. Не разрывается от мыслей и противного гула «Русского Дятла»...

Мир стал явным. Но Джейк представлял его себе не так. Как только открыл глаза, сразу увидел, как прямые деревья, еще цветущие и зеленые, до дурости живые, обласкивает сине-белый газовый огонь. Землю накрывает желтое пламя и все вокруг, как в бреду, состоит из него. Нет кирпича, нет по-

стройки, в которой была железная сорванная с петель дверь. Только живой лес вокруг, полыхающая трава и бесконечно жаркий шумящий огонь. И центре всего этого только она. Единственная и похожая на икону для молебна. Саманта.

– Теперь ты видишь? – спросила она его, сближаясь и держа его за руку.

Между их лиц пронеслась пара полыхающих, но живых бабочек. Над макушкой стайка желто-красных пламенных птиц. Все вокруг жило в этом пожарище лучше, чем на настоящей земле, оставшейся там, где-то в прошедшем кошмарном сне. Здесь, в жаре скачущего и волнующегося огня была вечная и счастливая жизнь, какую Джейк уже давно не видел. И за спиной Саманты за всем этим незримо наблюдала громадная чернобыльская стальная рама.

– ...Дуга... – вырвалось у Джейка, как только он увидел фантомный советский радар. – Я уже умер?

– Нет, глупый! – усмехнулась она, сближаясь еще сильнее. – Разве это похоже на смерть?

На ветвь ближайшего дерева приземлился длинноклювый красноголовый дятел, внимательно посмотревший на Хорнета. А тот, сам того не ожидая, улыбнулся, в голове разбив собственную мысль о смерти. Нет, это не было смертью, и это не было адом. Это было царством «Дятла»...

– Почему я? – спросил он, поднимая глаза на Дугу.

– Потому что ты хороший человек. – ответила ему Сэм. – Потому что ты – один из нас.

– Кого это – нас?

– Всех, кто жил идеей о Пламени. О справедливом мире для всех, который выглядел бы, как этот! О мире, Джейк... Посмотри!

Она указала пальцем в сторону, и мужчина повернулся. Там, из пламени, поднялись горящие силуэты. Словно это было в фильме, который Джейк уже смотрел. Он будто бы помнил это, будто бы знал, к чему все идет. И вдруг, в сердце кольнуло чудовищной тоской по потерянному счастью. Там, куда указала Саманта, американский солдат со счастливой улыбкой на лице протягивал руку советскому... Это был отец Джейка.

– Это Эльба. – всхлипнул Хорнет, медленно кивнув. – Больше всего он рассказывал мне про это... Про то, как дружил с вами...

– Каждый, кто не видит в другом человеке врага – достоин Пламени. – тихо произнесла Саманта, снова взяв Джейка за руку. – Достоин света и борьбы за него. Достоин того, чтобы оно питало его и помогало ему выжить. Добиться счастья для всех. Для всего мира. И каждый, кто думает о том, чтобы было счастье для всего мира – уже в нашем ряду.

Вокруг Джейка начали появляться силуэты. Десятки, сотни тысяч силуэтов. Молчаливых, пылающих, в простреленных шинелях и касках. Настолько титанические, что по сравнению с ними Джейк чувствовал себя букашкой. Разные символы на рукавах, на плечах и на касках, разные пылаю-

щие орудия в руках – кто с сохой, а кто с винтовкой. Но все они на равных. Все они, эти безмолвные, с прямым пылающим взором Боги, идущие куда-то в сторону горизонта. И нет этим колоннам ни конца и нет им края.

Но один из этих красных пламенных титанов медленно повернул голову на Джейка. Осторожно ему кивнув, снова зашагал вслед за остальными. И Джейк услышал:

*«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...»*

29.11.2023